

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Бутина Анастасия Васильевна

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Розов Николай Сергеевич

Новосибирск – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования роли интеллектуалов в обществе.....	17
1.1 Проблема интеллектуалов в современном социально-философском дискурсе.....	17
1.2 Основные черты и социальные функции интеллектуалов.....	23
1.3 Трансформация социального статуса интеллектуалов в современном обществе.....	38
Глава 2 Влияние интеллектуалов на развитие гражданских движений (на материале истории стран Восточной Европы, Латинской Америки и России второй половины XX века).....	50
2.1 Модели участия интеллектуалов в социальных движениях.....	50
2.2 Обоснование подхода к анализу взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов.....	73
2.3 Условия интеграции интеллектуалов в гражданские практики.....	86
2.4 Влияние интеллектуалов на развитие практик гражданской самоорганизации и успех гражданских движений.....	98
Заключение.....	108
Список литературы.....	113

Введение

Актуальность исследования обусловлена как философскими и научными проблемами обществознания, так и вызовами социальной действительности. Несмотря на то, что в современной науке накоплен значительный материал по проблемам культурной и институциональной истории интеллектуалов в различных странах, до сих пор не выработано ясного представления об их роли в динамике социальных процессов.

Сегодня высокому уровню гражданской активности в целом ряде современных государств – странах обеих Америк, Западной Европы, Северной Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии, России и Украины сопутствует рост гражданского и политического участия интеллектуалов. Таким образом, весьма актуально исследование случаев сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов в типологически схожих условиях в государствах, находящихся друг от друга на значительном историческом и географическом расстоянии.

Социально-философский анализ гражданского участия интеллектуалов как профессиональных производителей идей позволяет подвергнуть критической рефлексии новые способы связи между теорией и практикой, и на данном материале уточнить трактовку соотношения субъективного и объективного, мира идей и мира действий, общественного бытия и общественного сознания.

Проблема исследования состоит в выявлении условий, форм и результатов участия интеллектуалов в практиках гражданской самоорганизации, в раскрытии соотношения субъективного и объективного аспектов в этих процессах.

Степень разработанности темы исследования. Совокупность научных работ, посвященных анализу влияния интеллектуалов на процессы социальной активности в целом и его отдельных аспектов, представлена концепциями

интеллектуалов, теориями гражданского участия и общественных движений, а также комплексом специальных исследований.

Критический анализ разработок по теме диссертационного исследования позволяет выявить формирование ряда теоретических традиций в интерпретации роли интеллектуалов в социальной практике и исторической динамике. Центры изучения феномена интеллектуалов функционируют в европейских странах – Франции, Германии, Италии и Польше, а также в США и Латинской Америке.

Еще в начале XX века в Германии в работах К. Мангейма «Идеология и утопия» и «Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем» даны характеристика социальной базы и исторической роли интеллектуалов, анализ причин и мотивов их взаимодействия с различными социальными классами. В текстах немецких философов Р. Дарендорфа и Ю. Хабермаса феномен участия интеллектуалов в социальной практике представлен в аспекте гражданской ответственности интеллектуалов.

Во Франции изучение роли интеллектуальных сообществ в функционировании институтов государства и гражданского общества составляет область интересов философов и публицистов Ж. Бенды, П. Низана, Р. Арона, Ж. Деррида и других. Интерпретация социальных функций интеллектуалов и их значения в создании «культурного капитала» предложена П. Бурдьё. Особо среди французских исследователей необходимо отметить автора концепции универсального интеллектуала М. Фуко. Проблематика сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов представлена в трехтомнике его политических выступлений «Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984».

Теоретическая модель участия интеллектуалов в политическом процессе и выдвижении на историческую сцену новых классов разработана в концепции органического интеллектуала А. Грамши, а также отдельных работах его ученика и последователя Н. Боббио.

Одним из центров полемики вокруг роли интеллектуалов в современной Восточной Европе является русскоязычный журнал «Новая Польша», редакционная политика которого ориентирована на публикацию материалов по проблематике истории и культуры, а также участия интеллектуалов в гражданских движениях в Европе в целом. В рамках восточноевропейского дискурса важно отметить и публикации философа Л. Колаковского, посвященные интеллектуалам и их значению в разработке «картин действительности» для социальных субъектов.

Социологические исследования феномена гражданского участия интеллектуалов активно проводятся в США. В своем классическом труде «Капитализм, социализм и демократия» проблемы социального происхождения, значения и функций интеллектуалов в капиталистическом обществе рассматривал Й. Шумпетер. Классики американской философии и социологии также определяют интеллектуалов в качестве значимых элементов социальной структуры общества (Д. Дьюи, Р. Мертон), представителей «нового класса» (Э. Голднер) или «креативного класса» (Р. Флорида). Становление и развитие интеллектуальных сообществ, преемственность и специфика трансляции и развития идей служат изучались Р. Коллинзом. Социальной практике и критике как форм деятельности интеллектуалов посвящено исследование гарвардского профессора М. Уолцера. Социолог Ч. Райт Миллс вводит в научный оборот понятие «публичный интеллектуал», а публицист И. Хоув выделяет два основных направления взаимодействия интеллектуалов, общественных групп и движений – путь «фабианца» (социально-демократический) и путь «фрилансера» (анархистский). Отметим, что проблема роли интеллектуалов в обществе исследуется и в комплексе теорий социальной революции и модернизации, разрабатываемых американскими авторами. К. Бринтон и Л. Эдвардс считали смещение лояльности интеллектуалов необходимой составляющей фундаментальных общественных изменений. По мнению С. Хантингтона для динамики проблемной политической ситуации в предреволюционных обществах характерно самоопределение интеллектуалов, а

также выражение ими идей, влияющих на формирование группового недовольства.

Еще одним центром формирования социально-философского дискурса об интеллектуалах является Латинская Америка. Следует отметить, что публикации латиноамериканских авторов, посвященные интеллектуалам, в большинстве своем не имеют переводов на русский язык и практически не известны в России. Эти работы испытали очевидное влияние американских и европейских исследователей, особенно М. Фуко. Однако их отличает внимание к проблемам участия интеллектуалов в практиках национальных движений и социального проектирования. Так в книге уругвайского журналиста и критика А. Рамы «La ciudad letrada» представлено исследование влияния интеллектуалов на становление общественных институтов и культурную динамику в странах Латинской Америки на уровне городских сообществ. В числе латиноамериканских авторов, уделявших внимание данной теме, также необходимо упомянуть О. Паза, Х. Кортасара и субкоманданте Маркоса.

Наибольшее значение для достижения цели диссертационной работы имеют предметные исследования участия интеллектуалов в различных формах гражданской самоорганизации, которые представлены работами российских и зарубежных авторов. Т.Е. Ворожейкина анализирует потенциал сотрудничества интеллектуалов с лидерами и активистами общественных движений и инициативных групп в латиноамериканских странах (Аргентина, Бразилия). Результаты исследования социально-проективистской деятельности в современных обществах с переходными или имитационными институтами демократии (Турция, Сербия, Грузия) отражены в публикациях Х.Б. Кахрамана, О. Савич, З. Шатиришвили.

Особое внимание российских исследователей к ходу исторического процесса в странах Латинской Америки отнюдь не случайно. Имея существенные цивилизационные различия, Россия и латиноамериканские страны, тем не менее, относятся к одному и тому же типу социально-политического развития, характерными чертами которого являются четкое

разделение социума и экономики на центр и периферию, историческое отставание и неравномерность формирования предпосылок модернизации. В начале и середине XX века страны Латинской Америки имели опыт социальных потрясений и установления недемократических политических режимов, схожий с историческими событиями в Российской империи и СССР. Таким образом, анализ динамики социально-политического процесса в странах Латинской Америки (в первую очередь, Мексики, Бразилии и Чили), способствует выявлению общих для наших стран условий успешного взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов, а также оценку закономерностей и результатов такого сотрудничества.

Проблему участия интеллектуалов протестных движениях в Аргентине и Бразилии, а также Сапатистской армии национального освобождения в Мексике исследуют О.Н. Сова, Дж. Петрас, Г. Вельтмейер, Г. Ондетти, Ф.Д. Ротман, П.Е. Оливер, Л. Стефен, А. Стар и другие. Отдельные аспекты анализа взаимодействия представлены в работах И. Валлерстайна, освещающих проблемы «левого поворота» и распространения религиозного идейного течения «Теология освобождения» в Латинской Америке. Формирование интеллектуальных сообществ и их роль в мексиканской публичной политике исследует Р. Гуадарама.

Отметим, что специальные научные исследования, посвященные взаимодействию интеллектуалов и гражданских активистов в России, появились только в 2000-е гг., и их количество в настоящее время сравнительно невелико. Опыт сотрудничества отражен в исследованиях развития интеллектуальных сообществ и социальных движений, становления аналитических сообществ в Российских регионах, функционирования «фабрик мысли» и школ публичной политики. Особый интерес представляет изучение феномена интеллектуально-активной группы, проведенное в рамках проекта «Мыслящая Россия», отражающее исторические основы возникновения, анализ самосознания и деятельности интеллектуалов в зарубежных странах и России.

Значительным эвристическим потенциалом в исследовании гражданской самоорганизации обладает социология общественных движений. В рамках данного направления существует три системных подхода, анализирующих проблемы общественных движений: теория коллективного поведения, теория коллективного действия и концепция «новых социальных движений».

Концептуализация практических аспектов участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации произведена в комплексе современных исследований, освещающих проблемы становления и развития гражданского общества. В зарубежной социологии проблемы гражданской самоорганизации отражены в концепции «со-общественности» (community life) Дж. Р. Гасфилда, считавшего навыки самоорганизации индикатором и предпосылкой укрепления социальных связей. В работах американского социолога Д. Смита дан подробный анализ феномена низовой самоорганизации, субъектами которой, по мнению исследователя, выступают относительно автономные, добровольческие некоммерческие местные сообщества, развивающиеся на основе добровольной кооперации. В России самоорганизация граждан исследуется в целом ряде аспектов. Л.И. Яковсон, И.В. Мерсиянова изучают роль общественных движений и организаций в становлении общественного самоуправления. Особое значение самоорганизации и участия интеллектуалов в решении локальных проблем отмечает А.Ю. Сунгуров. Ю. Филиппов и В. Гассий интерпретируют местное сообщество как среду формирования солидарности, взаимного доверия, обязательств и общности интересов. Активное развитие получило и направление «теория социальных практик», представителями которого являются В.В. Волков, О.В. Хархордин. В фокусе внимания их исследований находятся социальные технологии интеграции интеллектуалов и представителей местных сообществ вокруг решения общих проблем.

Однако, несмотря на обилие исследований, роль интеллектуалов в гражданской самоорганизации представляется проблематичной в силу следующих причин.

Во-первых, феномены интеллектуалов и гражданской самоорганизации традиционно изучаются в рамках независимых друг от друга теоретических направлений. Как правило, исследуются единичные случаи сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов. Отсутствует общий подход, который бы позволял определить условия, формы и результаты участия интеллектуалов в функционировании гражданской самоорганизации.

Во-вторых, специальные исследования, посвященные феномену интеллектуалов, появились в России только в 1990-х гг. Большинство из них представляет собой критику зарубежных концепций (В. Иноземцев, Т. Голиченко, Б.М. Фирсов, С. Корнев и т.д.), а также попытку новой интерпретации феномена интеллигенции (Н.А. Заусаева, Р.В. Рывкина, В.Ш. Нахушев, О.К. Степанова, С.А. Магарил, С. Ушакин и т.д.). В российском социально-теоретическом и экспертном дискурсе сохраняется неопределенность употребления самого понятия «интеллектуал», а также квалификации его функций в обществе.

В-третьих, большая часть научных работ, посвященных исследуемому объекту, касается отношений в рамках триады «гражданское общество – интеллектуалы – власть», но при этом имеет место смещение интереса к анализу связи между двумя элементами – интеллектуалами и властью.

Кроме того, анализ большинства исследований не позволяет дать оценку тому, какие ощутимые результаты приносит деятельность интеллектуалов, т.е. меру их воздействия на социальную и ментальную динамику. Отметим, что для современных исследований в целом характерна нормативная трактовка включенности интеллектуалов в социальные практики, в этой связи необходимо исследовать реальные условия и мотивы сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов, а также предложить адекватную модель успешного взаимодействия.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего исследования заключается в социально-философском анализе роли интеллектуалов в

гражданской самоорганизации, а также выявлении условий участия интеллектуалов в гражданских движениях.

Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих **задач**:

1. определить основные характеристики и социальные функции интеллектуалов на основе критического анализа и обобщения современных концепций;
2. выявить специфику изменения социального статуса интеллектуалов в современном обществе;
3. выделить конструктивные концепции в современных научных представлениях о явлениях гражданского участия и самоорганизации граждан;
4. выявить основные модели участия интеллектуалов в общественных движениях, представленные в социально-философском дискурсе;
5. на основе изучения позиций исследователей общественных движений разработать и обосновать подход к оценке условий и результатов влияния интеллектуалов на развитие практик самоорганизации граждан;
6. выявить объективные условия и субъективные факторы интеграции интеллектуалов в гражданские практики;
7. предложить социально-философскую интерпретацию влияния интеллектуалов на развитие практик гражданской самоорганизации и успех гражданских движений.

Объект исследования: теоретические модели и практика участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации в странах Восточной Европы (Россия, Польша, Литва, Латвия) и Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика, Эквадор) во второй половине XX в.

Предмет исследования: роль интеллектуалов в гражданской самоорганизации и условия их участия в гражданских движениях.

Методология и методы исследования. В соответствии с перечнем поставленных задач в исследовании используются следующие методологические подходы:

1. Философско-антропологический подход, использование которого обусловлено необходимостью выявления сущностных черт феномена интеллектуала, а также анализа субъективного измерения явлений гражданской самоорганизации и социально-ментальной динамики.

2. Историко-философский и компаративистский анализ, который позволяет произвести реконструкцию основных моделей участия интеллектуалов в практиках гражданской самоорганизации.

3. Метод теоретической истории, включающий последовательность этапов и процедур систематического сравнения случаев, выявления причин изменений и проверки гипотез. С помощью данного метода проведен анализ случаев сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов, различающихся по своим результатам, на предмет наличия и отсутствия в них факторов, которые, согласно гипотезе исследования, могут способствовать успеху взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов. Данный метод позволяет выявить необходимые факторы, устойчиво присутствующие в случаях успеха сотрудничества.

Кроме того, построение модели участия интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан осуществляется с учетом специфики современной парадигмы социологии социальных движений (Д. Макадам, Дж. Маккарти и М. Залд, Ч. Тилли).

Теоретической основой анализа субъективных оснований сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов (ситуации и мотивов взаимодействия, формирования паттернов личных связей, способов установления значимой обратной связи) выступают теории оперантного обусловливания (Б.Ф. Скиннер), интерактивных ритуалов (И. Гофман, Р. Коллинз), а также концепция габитуса и динамическая концепция менталитета (П. Бурдьё, Н.С. Розов).

Кроме того, в базовую трактовку влияния интеллектуалов на развитие и достижение целей самоорганизации граждан заложены методологические установки конфликтной теории коалиций в версии Дж. Голдстоуна и Р. Вутноу.

Эмпирическую базу исследования составляют случаи участия интеллектуалов в низовой гражданской самоорганизации в России, странах Латинской Америки и Восточной Европы во второй половине XX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современных странах Латинской Америки, Восточной Европы и в России росту гражданской самоорганизации сопутствует усиление гражданского участия интеллектуалов, однако среди основных черт интеллектуалов гражданский этос имеет вторичный характер и с необходимостью не обуславливает их участие в практиках самоорганизации граждан. Сущностной характеристикой интеллектуала является производство идей, обладающих универсальной ценностью и имеющих значение вне исторического контекста, географической привязки и практической применимости.

2. Влияние интеллектуалов на развитие низовой самоорганизации следует понимать как переменную, значение которой определяется степенью выраженности причинных факторов объективного и субъективного характера. Уровень влияния высок при увеличении интенсивности интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации. В свою очередь, компоненты успеха интеграции целесообразно считать показателями роста влияния интеллектуалов на исследуемые процессы.

3. Комплекс объективных условий, сопутствующих успеху интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации, определяется формированием в обществах структуры социально-политических возможностей, необходимыми характеристиками которой являются: а) существенный разрыв между гражданскими требованиями и принимаемыми элитой политическими решениями; б) возникновение ситуации длительного равновесия сил (патовой ситуации) между группами политической и экономической элит, с) блокирование стратегий насилия и репрессий, сосредоточение общественного внимания на мирных полях взаимодействия, особенно, на поле идейной борьбы и символического престижа. Именно в этих

условиях возникает повышенный спрос на завоевание престижа конфликтующими социальными субъектами и привлечение сторонников, а также спрос на новые идеи и их разработчиков-интеллектуалов, служащих основным орудием конкурентной борьбы.

4. К субъективным факторам успеха интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации относятся 1) пересечение интересов (сетей) интеллектуалов и участников движений; 2) формирование площадок совместных интерактивных ритуалов; 3) обладание каждой из взаимодействующих сторон ресурсами, дефицит которых испытывает другая сторона; 4) формирование устойчивых паттернов личных связей интеллектуалов и гражданских активистов.

5. Успеху интеграции с необходимостью сопутствует а) формирование постоянных площадок коммуникации, в участии в которых заинтересованы интеллектуалы и гражданские активисты; б) положительное подкрепление сотрудничества (достижение промежуточных целей, например, успешная реализацией отдельных совместных проектов или их этапов); в) установление в результате взаимодействия значимой обратной связи (формированием активистских габитусов как у интеллектуалов, так и у участников общественных движений).

6. Влияние интеллектуалов на развитие самоорганизации в случаях успешной интеграции особенно значимо на стадии мобилизации движений, развития активистской среды и определения репертуара коллективных действий. Успех взаимодействия определяется формированием интеллектуалами символов, идентичностей участников движений и стратегий борьбы, альтернативных тем, которые принадлежат правящей элите. При этом значимой является не оригинальность или прогрессивность идей, предлагаемых интеллектуалами, а их популярность, обеспечивающая рост групповой солидарности и, как следствие, компенсацию дефицита ресурсов субъектов гражданской самоорганизации.

Научная новизна. В содержательной части исследования новизна работы заключается в следующем:

– определены специфика и основные проблемы трансформации социального статуса интеллектуала в современном обществе;

– произведена теоретическая реконструкция моделей участия интеллектуалов в практиках гражданской самоорганизации с учетом современной парадигмы исследований общественных движений;

– разработан подход к анализу участия интеллектуалов в практиках гражданской самоорганизации, позволяющий определить действительное влияние интеллектуалов на социальную динамику;

– с помощью теоретико-исторического анализа выявлен ряд причинных факторов, обуславливающих успех сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов;

– определены внутренние механизмы сотрудничества интеллектуалов и субъектов гражданской активности.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Исследование значимо с точки зрения интеграции социального и исторического познания, так как представленная в нем модель интеграции интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации создана на стыке социологии, политологии, психологии и социальной философии.

Результаты работы могут быть использованы для проведения исследований, посвященных проблемам развития современных социальных движений, изучению движущих сил общественного развития и взаимообусловленности социальной и ментальной динамики.

Основные выводы, полученные в результате исследования, могут использоваться для разработки рекомендаций по развитию институтов гражданского общества, гражданских инициатив, а также мер по повышению эффективности взаимодействия власти и общества.

Результаты могут быть применены для составления учебных курсов по специальностям «Социальная философия», «Философская антропология», «Политология», «Социология», а также в преподавании этих дисциплин.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов данного исследования достигается избранием соответствующей поставленной цели и задачам методологии и логики исследования, опорой на значительный корпус важнейших для данной проблематики как классических, так и современных источников отечественных и зарубежных авторов.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа обсуждалась в отделе социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН в 2019 году и была рекомендована к защите.

Основные положения диссертационного исследования были изложены в 6-ти статьях из Перечня рецензируемых научных журналов и изданий, имеющих аккредитацию ВАК, и ряде публикаций в прочих научно-периодических изданиях и тематических сборниках научных трудов и материалах конференций.

Результаты исследования также апробированы в докладах автора на научно-практических конференциях: «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (Новосибирск, 2011, 2015 гг.); XIX Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2012 г.); IV региональной конференции «Мой выбор – наука!» (Барнаул, 2017), VI Международной конференции «Динамика социальных процессов в контексте трансформации научных парадигм» RPTSS 2017 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Science (Томск, 2017 г.).

По теме диссертации автором опубликовано 16 работ, в том числе 6 работ подготовлено и опубликовано в рецензируемых научных журналах ВАК РФ, 1 работа в издании, индексируемом Web of Science.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка литературы, насчитывающего 236 позиций, в том числе 42 на иностранном языке. Общий объем диссертации 135 страниц.

Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования роли интеллектуалов в обществе

1.1 Проблема интеллектуалов в современном социально-философском дискурсе

Сегодня фигуре интеллектуала дается неоднозначная оценка. Одни видят в ней неудобный персонаж, который привык всем возражать из прихоти. Для других же интеллектуалы дают пример отстаивания критической и независимой позиции, имеющей большую ценность в обществах. В современной социальной теории понятие «интеллектуалы», как правило, маркирует профессиональных производителей идей, представителей так называемого «креативного класса» или создателей культурного капитала, раскрывающего потенциал общества и способствующего его модернизации. Интеллектуалы определяют структуру побудительных мотивов социального взаимодействия – будь то в научной (экспертной) среде или в поле политической практики. Идеи и проекты, разрабатываемые интеллектуалами, часто определяют историческое развитие обществ разных стран, и, таким образом, являются основами понимания механизмов взаимовлияния и взаимообусловленности социальной и ментальной динамики.

Однако следует отметить, что ключевой проблемой полемики вокруг фигуры интеллектуала в современной социально-философской мысли является поиск ответа на вопрос, должно ли интеллектуальное сообщество заниматься исключительно вечными ценностями и вечными философскими вопросами или, оставив сферу абсолютных идей, реагировать на вызовы социальной реальности.

В первую очередь, стремление оценить значение интеллектуалов в социальной практике наталкивается на ряд проблем методологического характера. Хотя социальный статус и влияние интеллектуалов на процессы социальной динамики являются предметом научного осмысления с конца XIX

века, очевидно, что анализ движущих сил и закономерностей исторического развития и изучение феномена интеллектуалов, происходили в рамках самостоятельных научных направлений. Таким образом, в поле наук об обществе, с одной стороны, сформировался разнородный, но, тем не менее, достаточно целостный и опирающийся на богатый эмпирический материал корпус концепций общественных движений. А с другой, сложился целый ряд национальных школ и традиций интерпретации феномена интеллектуалов в ключе проблематики социально-теоретических исследований.

Очевидно, что основной коллизией, вокруг которой разворачивалась теория и история интеллектуалов в XX веке выступала открытая полемика популярных французских философов и публицистов Жюльена Бенда и Поля Низана.

В памфлете «Предательство интеллектуалов» Бенда утверждал, что задача интеллектуала в области социальной практики заключается в напоминании об идеалах справедливости и нравственности, но его истинная жизнь должна быть далека от политической повседневности. Интеллектуал только оценивает действия политиков, не углубляясь при этом в политическую практику [10]. В свою очередь, в книге «Сторожевые псы» П. Низан оценивает тезис Бенда о преданности интеллектуалов вечным идеям критически. По мнению Низана, «они просто используют философию, прикрываясь идеалами неангажированности, но на самом деле служат политикам и политическим целям» [37, С. 42]. Он утверждал, что сущностью философии является практика, а само существование знания возможно только в контексте проблем жизни общества, в том числе и политической. Следовательно, интеллектуалы и философы несут ответственность за все происходящее в сфере общественной жизни. Отметим, что книга Низана, впервые опубликованная в 1932 году, в период экономического кризиса и развертывания массового рабочего движения, переиздавалась во Франции в не менее нестабильные 1969 и 1998 годы.

Несомненно, работы Бенда и Низана маркируют крайние позиции в интерпретации роли интеллектуалов в обществе. Тем не менее, важным итогом спора французских публицистов стала дальнейшая концептуализация представлений о сущностных чертах и функциях профессиональных производителей идей.

Попытку концептуального анализа феномена интеллектуалов также предпринял польский социолог Ян Щепанский. Он выявил более шестидесяти определений терминов «интеллигенция» и «интеллектуалы», а также разбил их на 3 категории, положив в основу дифференциации, во-первых, роль в создании и защите высших и неизменных ценностей; во-вторых, их значение интеллектуалов в создании мифов, идеологий, популяризации идей и критике общественного порядка; в-третьих, их участие в культурной динамике [187].

Кроме того, заслугой Щепанского следует считать попытку дать наиболее общее определение интеллигенции и выделить в ее социальном составе категории: производителей эстетических ценностей; создателей интеллектуальных систем; отраслевых специалистов, применяющих экспертное знание для решения конкретных проблем; идеологов, политические и иные социальные идеи; критиков и пропагандистов.

Следует отметить, что для русскоязычного сегмента дискурса об интеллектуалах особенно характерна путаница в определении понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция». Кроме того, в научном обращении находятся термины, весьма близкие по содержанию, такие как: «фабрики мысли» [154], «эксперты» [3; 4], «интеллектуально-активная группа» [81; 82] и т.д.

Значительная часть отечественных исследований феномена интеллектуалов представляет собой попытку изложения западных концепций с позиций российской действительности. Так, В. Иноземцев, переводчик оригинальных работ Д. Белла, посвященных постиндустриальному обществу, называет новую группу российских культурных производителей «классом интеллектуалов» [23]. При всех лингвистических противоречиях, подобное

заимствование интерпретации все же способствовало постановке проблемы роли интеллектуалов в современном обществе.

На наш взгляд, наиболее последовательная и теоретически корректная трактовка феномена интеллектуалов предложена российским культурологом В.А. Куренным. Организованное им в конце 2000-х годов масштабное исследование под эгидой проекта «Мыслящая Россия» ставило в качестве своих задач поиск ответов на вопросы о современном состоянии публичной интеллектуальной среды, формах общественной активности и специфике мировоззренческих установок интеллектуалов. В целях преодоления методологической путаницы и неопределенности понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», Куренной ввел концепт «интеллектуально-активная группа», сконструированный на основе формальных критериев причастности гражданских активистов к сфере масс-медиа, социальным и культурным институтам, а также центрам производства знания.

Дискурс-анализ понятий, используемых представителями интеллектуально-активной группы для самоидентификации, позволил Куренному провести семантические различия между терминами «интеллигенция» и «интеллектуалы». Понятие «интеллигенция» преимущественно ассоциируется с прошлым, обладает аксиологической характеристикой, и наиболее значимым в его содержании является не столько состав профессиональных компетенций, а моральные принципы, образование, культура и тип социально роли (габитус поведения). В свою очередь, понятие «интеллектуал» в значительной степени аксиологически-нейтрально и служит обозначению социально-антропологического типа индивида, успешно применяющего свои профессиональные и интеллектуальные компетенции [82].

Определенные затруднения возникают и при попытке характеристики интеллектуала как субъекта социальной динамики. Прежде всего, отметим, что в ключе общего определения, предложенного Н.И. Яблоковой: «Социальный субъект представляет собой социальное образование, детерминированное системой каузальных, системно-структурных и динамических связей и

обеспечивающее равновесие и поступательное развитие общественной системы в целом и отдельных ее частей. Он выражает себя в деятельности, обеспечивающей его связи и взаимодействие с внешним миром» [189, С. 52-57], – интеллеktуал, безусловно, обладает общественной субъектностью.

Кроме того, с позиции социальной онтологии, определение интеллектуала как человека умственного труда характеризует его как субъекта познания и субъекта культуры в целом. В этой связи, например, И.Т. Касавин говорит о возможности выделения ключевых параметров, задающих координаты расположения множества познающих субъектов. По мнению Касавина, таковыми являются линии, соединяющие «интеллектуала» и «интеллекта», «публичного интеллектуала» и «университетского профессора», «профессионала» и «дилетанта» и т.п. [66]

В контексте настоящего диссертационного исследования наибольший интерес представляет противопоставление интеллекта, как слуги народа и выразителя национальных интересов, и интеллектуала как производителя политической идеологии и культуры.

Отметим, что упадок роли интеллектуала в современном обществе чаще всего связывают с так называемым концом идеологий. К примеру, предпринимая попытку дать анализ исторической типологии и современному состоянию феномена интеллигенции / интеллектуалов, российский исследователь И.В. Борисов отмечает, что интеллектуалы – это «уходящая натура» – не в силу «морального износа», интеллектуальной деградации и предательства соответствующих групп, а в силу крупных системных изменений в общественной жизни» [13. С.69]. Одним из ключевых изменений исследователь считает ослабление позиций внутрисистемных левых движений. Если ранее в рамках конфликта господствующей элиты и движений интеллектуалы играли роль идеологического фильтра или буфера по отношению к данным социальным субъектам, то с поражением левых позиция интеллектуалов во многом теряет функциональный смысл [13. С.70].

Однако противоречивость положения интеллектуалов в современных обществах вытекает и из реалий демократических режимов. Долгое время, пусть и в теоретическом плане, интеллектуала характеризовала приверженность критической оценке. Тем не менее, в условиях демократии, отнюдь не являющейся совершенной формой правления, интеллектуал вынужден быть интегрированным в конвенциональные формы социальной критики. То есть интеллектуалу приходится вести своего рода двойную игру, пребывая одновременно внутри и за рамками системы.

Другое противоречие, присущее концептуальному определению интеллектуала, заложено в парадигме постмодернизма, оставившей далеко позади идеалы разума и прогресса и принесшей с собой сомневающееся, релятивистское мышление. Если полагать, что истина недостижима, идеологий больше нет, прогресс так и не наступает, и каждый индивид по-своему прав, то мы с необходимостью согласимся и с тем, что впредь невозможно создать учение, способное увлечь общество образами исторического прошлого или неопределенного будущего. Интеллектуалам сегодня приходится формулировать ответы на злободневные вопросы в духе релятивизма. Безусловно, они формируют мнение, но их суждения более не опираются на твердые убеждения и лишены бесспорных доводов.

Еще одним условием, оказывающим значительное влияние на интерпретацию социального статуса интеллектуала, является подчинение пространства внимания, в котором функционируют проекты и идеи, средствам массовой информации. Материальная база инициативы и свободы интеллектуала более не находится в его собственном распоряжении. И если он желает быть услышанным, то не остается иного выхода, кроме как утратить свою автономность и смириться с диктатом СМИ. Иначе, если интеллектуал не примет существующих правил игры, его голос вряд ли кто-то услышит.

Таким образом, в современном обществе интеллектуалу весьма трудно выполнять свою роль, если он не принят привилегированными социальными группами, обладающими властью и социальным влиянием.

Наконец, положение интеллектуала представляется проблематичным и в силу теоретического отказа от классического понимания субъекта и субъективности как исходных факторов социальной практики. В работах современных исследователей и теоретиков интеллектуал предстает как социально-антропологический тип [16; 71] или обладатель особого «габитуса» [18]. А французские авторы, и особенно М. Фуко, уделяют внимание описанию его повседневного бытия [165]. Однако зафиксировать сущность и содержание социальной субъектности интеллектуала представляется возможным только посредством установления взаимосвязи процессов в обществе и деятельности конкретных профессиональных производителей идей, что будет раскрыто в последующих разделах работы.

1.2 Основные черты и социальные функции интеллектуалов

В русле континентально-европейской традиции интерпретации феномена интеллектуалов разработан целый ряд подходов, имеющих важное значение для выявления ключевых характеристик интеллектуалов и оказывающих непосредственное влияние на формирование отношения к ним власти и общества.

Социологический подход наиболее полно представлен в работах австрийского экономиста и социолога Йозефа Шумпетера и немецкого философа Карла Мангейма. В своей известной работе «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетер предлагает экскурс в «социологию интеллектуалов», в ходе которого акцентирует внимание на сложности выделения их характерных черт. Он указывает, что интеллектуалы в поведении похожи на класс, но не являются таковым, поскольку приходят из всех уголков социального мира и формируют передовые отряды борьбы за чужие классовые интересы. Нельзя их определять и как исключительно носителей высшего образования, поскольку оно выступает необходимым, но едва ли достаточным условием для того, чтобы стать интеллектуалом. Принадлежность к так

называемой группе представителей свободных профессий только тогда делает их интеллектуалами, когда они говорят и пишут о проблемах, выходящих за пределы их профессиональных интересов. Наконец, владение устным и письменным словом отличает интеллектуалов только в случае, когда оно не влечет прямой ответственности за практические дела. С одной стороны, для них характерно отсутствие практического знания, которое человек обретает с опытом, с другой, им присуща ориентация на критику, прежде всего, социальную [186].

Карл Мангейм в исследовании «Идеология и утопия» отмечал, что во всех социальных слоях, помимо непосредственных представителей их интересов, всегда существовала прослойка интеллектуалов. Для последних характерно не к продвижению по социальной лестнице, а сознательное или неосознанное стремление к занятию духовными проблемами. Мангейм вслед за Шумпетером полагал, что формальная образованность, выражающаяся в обладании дипломами, не является признаком интеллектуала. Он обращает внимание на закономерность, характеризующую взаимосвязь интеллектуалов и социального слоя, прослойкой которого они изначально выступают: «Пока их духовные интересы совпадали с духовными интересами определенного поднимающегося слоя, их положение не вызывало никаких проблем. Они жили, видели и познавали мир в соответствии с той утопией, которая связывала их с определенными группами и социальными слоями... Проблематичным их положение становится каждый раз тогда, когда стоящий за ними социальный слой приходит к власти, когда в результате этого процесс развития не нуждается больше ни в связи утопии с политикой, ни в упомянутом духовном слое» [88, С. 166].

По мнению французского социолога П. Бурдьё, важным качеством интеллектуалов является производство знания, которое выступает средством для понимания механизма господства. Соответственно, благодаря деятельности интеллектуалов данный механизм может быть подорван, поскольку его условием является не знание господствующих, а невежество объектов

господства [84, С. 34]. Бурдьё считал, что высокий уровень образованности в среде интеллектуалов обеспечивает им обладание не только специализированными навыками, но и знанием особого рода, недоступным обывателям. Этот уникальный ресурс ученый определяет при помощи понятия «культуркапитал». Культуркапитал – это, в сущности, авторитет в сфере культуры, престиж, статус а, следовательно, и власть. Он не только способствует постижению высших ценностей, но и тому, чтобы выйти за пределы собственных эгоистических интересов ради блага общества. Бурдьё налагает на интеллектуалов обязанность служить коллективным сознанием нации. Роль, отведенная им в обществе, заключается в гуманитарной экспертизе процессов во всех сферах социальной жизнедеятельности [17].

Социально-философский подход заявляет о себе в публикациях французских мыслителей XX века. Р. Арон посвятил анализу интеллектуалов работу с символическим названием «Опиум интеллектуалов», где опиумом для интеллектуалов называет идеологию. Он отмечает, что с развитием общества появились новые возможности для тех, кто обладал способностью манипулировать словами и идеями. Сначала эта функция выполнялась любителями, а затем стала качеством профессионалов, которых сегодня называют интеллектуалами. Арон указывал на осуществление интеллектуалами в обществе критической функции, полагая, что в идеологических лагерях они занимаются преобразованием мнений и интересов групп в идеи и концепции. «По определению, им недостаточно просто жить, они хотят еще и осмыслить свое существование» [2, С. 186]. По его мнению, «интеллектуал – это человек идей и человек науки, который разделяет веру в человека и разум» [2, С. 187].

Французский философ Мишель Фуко обращает внимание на то, что роль интеллектуала в современном мире значительно изменилось. И эти перемены, по его мнению, обусловлены появлением нового типа связи между теорией и практикой [167]. В настоящее время интеллектуалы чаще создают свои проекты в конкретных отраслях, и даже в конкретных точках, где сосредоточены условия их профессиональных занятий, проживания и личной жизни. Они

сталкиваются с тем же противником, что и обычные граждане – транснациональными корпорациями, судебным и полицейским произволом, со спекуляцией недвижимостью и т.д. Такого интеллектуала Фуко называет интеллектуалом-специалистом в противоположность покидающему сцену истории универсальному интеллектуалу. Фигура интеллектуала-специалиста, возникшая после Второй мировой войны, имеет и новое политическое значение. Ранее интеллектуал был преимущественно писателем и противопоставлял себя государственным служащим или капиталу, но как только отправной точкой становится профессиональная деятельность каждого интеллектуала, все меняется. В настоящее время складываются условия для установления широкой сети горизонтальных социальных связей: «государственные служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи – каждый на своем собственном месте – смогли путем взаимного обмена и взаимной поддержки участвовать в общей политизации интеллектуалов» [167, С. 202]. Писатель, как образ интеллектуала, начинает исчезать, а взамен возникают преподаватель и университет в качестве «пунктов обмена» и исключительных точек пересечения интеллектуалов. Рассуждая о новой роли интеллектуала, Фуко предлагает собственный взгляд на проблему отношения интеллектуала к истине, поставленную в полемике Ж. Бенда и П. Низана. Фуко считает, что сама истина сопряжена с производящими и защищающими ее системами власти. Отсюда «главная политическая задача интеллектуала состоит не в том, чтобы критиковать сопряженные с наукой идеологические положения или же действовать так, чтобы его научная деятельность сопровождалась правильной идеологией; она заключается в том, чтобы знать, возможно ли установление новой политики истины» [167, С. 209]. Таким образом, необходимо изменять не «сознание» людей, но политический, экономический, институциональный строй производства истины.

С тезисом о трансформации функции интеллектуала согласен и немецкий философ Юрген Хабермас. Он отмечал, что в медийном обществе многие из

качеств, благодаря которым интеллеktуал выделялся ранее, стали атрибутом других групп или вовсе утратили свою актуальность. Исключением является единственная особенность, «которая и сегодня еще могла бы отличать интеллеktуала: способность первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами. Добродетелями интеллеktуала поэтому должны быть качества отнюдь не героические: отдающая подозрительностью чуткость к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма; боязливая склонность предвосхищать опасности, грозящие интеллеktуальной оснастке той политической формы жизни, которая существует в обществе; умение видеть, чего не хватает или что «могло бы быть иначе»; немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы, и немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций, выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет» [168].

Особый интерес в рамках рассматриваемого подхода представляет и точка зрения польского философа Лешека Колаковского, который акцентирует внимание на противоречивой природе интеллеktуалов, проявляющейся в том, что они ставят все под сомнение, включая полезность и моральность собственной деятельности. Колаковский говорит как о классе, состоящем из тех, кто, владея словом, не просто способен передавать его в качестве посредника, а использует «для того, чтобы навязать другим определенное восприятие мира, создавая таким образом новый мир... Интеллеktуал не исследователь или открыватель в строгом смысле этого слова. Он претендует на большее: он использует слово, чтобы предложить свою собственную интерпретацию мира» [73, С. 57]. Интеллеktуалы, по его мнению, всегда являются естественными врагами стабильности и устойчивости традиций, ставя их под сомнение даже тогда, когда хотят их спасти или сохранить. Идеологическое государство не нуждается в интеллеktуалах до тех пор, пока все проблемы можно решить испытанными средствами. Когда же возникает

необходимость в обновлении идеологии, то для создания нового идеологического оружия требуются интеллектуалы, так как решить эту задачу обычные идеологи не способны [73, С. 57–58]. Однако, создавая при этом новую интерпретацию мира, они становятся разрушителями того, что намеревались защитить.

В большинстве социально-философских трактовок интеллектуалов фиксируется их политическая функция, а именно способность профессиональных производителей идей выражать интересы и позиции определенных социальных групп. Отсюда можно провести и теоретическую реконструкцию *этико-политического подхода* к феномену интеллектуалов. Так французский мыслитель конца XIX – начала XX века Эмиль Фаге в работе «Культ некомпетентности» провел четкую границу между фигурами политика и «компетентного человека», причем, последний по своим характеристикам (талант, известность, независимость и самостоятельность в суждениях и др.) явно обладал признаками интеллектуала. Пафос сочинения Фаге концентрируется на критике демократии, как режима, суть которого заключается в некомпетентности власть имущих. Олицетворением демократии, выступает политик как «человек с заемными мыслями, посредственный как предписание, разделяющий чувства и страсти толпы, наконец, тот, которому нечего делать, кроме как заниматься политикой, и который, не сложись у него политическая карьера, умер бы с голода» [155, С. 18]. Компетентные люди, в отличие от политиков, признаются врагами демократии или объектами ее недоверия. Фаге полагал, что демократия ради собственного сохранения не нуждается в компетентных людях и не склонна допускать их во власть. Следовательно, режим во главе с некомпетентными людьми не испытывает потребности в интеллектуалах. Наблюдение, весьма актуальное и сегодня.

Политический аспект бытия интеллектуалов разрабатывает и итальянский теоретик марксизма Антонио Грамши. В своей концепции он анализирует положение интеллектуалов в обществах традиционного и современного типов, а также их функции по обеспечению культурной и идеологической гегемонии

господствующих социальных групп. Идейными истоками концепции Грамши выступают работы В.И. Ленина, рассматривавшего гегемонию как политический союз крестьянства и рабочего класса под руководством авангарда профессиональных революционеров. Однако интерпретация итальянским мыслителем проблем взаимодействия интеллектуалов и масс, а также соотношения теории и практики имеет значительные расхождения с большевистскими теориями.

Во-первых, Грамши утверждает, что интеллектуальная деятельность свойственна не только определенной категории ученых-специалистов или профессиональных философов. Он считает важным доказать, что все люди – *философы*, то есть у каждого есть способности к интеллектуальному труду. Однако каждый решает сам, что для него предпочтительнее: думать, не осознавая своих мыслей, или, напротив, «выработать посредством сознательного и критического мышления собственное мировоззрение и выбрать собственную сферу деятельности, принять деятельное участие в свершении мировой истории, быть руководителем самого себя, а не ждать пассивно и покорно, пока окружающий мир сформирует твою личность» [44, С. 12].

Согласно Грамши, критическое самосознание выражается в формировании интеллектуальной элиты. Организация масс невозможна без интеллектуалов. Но сам процесс выдвижения интеллектуалов долог, труден и полон противоречий, наступлений и отходов, перегруппировок, во время которых «верность» неоднократно подвергается проверке. Процесс развития оказывается связан с противоречиями внутри единства «интеллектуалы – массы». Каждый скачок к качественному развитию интеллектуалов связан с аналогичным движением народных масс, которые расширяют круг своего влияния, поднимаясь к более высоким уровням культуры и выдвигая своих представителей в ряды интеллектуалов.

Грамши ставит и вопрос о том, являются ли интеллектуалы самостоятельной и независимой социальной группой, или, напротив, всякая отдельная социальная группа имеет собственных интеллектуалов? По его

мнению, генезис различных типов интеллектуалов в разное время мог принимать различные формы, из которых, тем не менее, выделяются следующие. Во-первых, любая социальная группа органически формирует в своем составе один или несколько слоев интеллигенции, что обеспечивает ей самоидентификацию и осознание своей социальной роли (так капиталисты в своей массе создают инженеров для организации промышленного производства, ученых для разработки новых культурно-правовых и экономических образцов и т.п.). Каждый новый класс создает вместе с собой «органических» интеллектуалов, специализирующихся в отдельных областях новых производственных сил.

Второй путь – путь самообособления интеллектуалов: «всякая социальная группа, выходя на историческую арену из предшествующего экономического базиса как продукт его развития, находила ранее возникшие категории интеллигенции, которые даже выступали как представляющие непрерывность исторического развития, не нарушаемую даже самыми сложными и радикальными изменениями социальных и политических форм. На протяжении веков европейской истории такой группой выступали, например, церковнослужители. Так как эти традиционные интеллектуалы, объединенные «корпоративным духом», чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои «особые качества», то они и считают себя самостоятельными и не зависимыми от господствующей социальной группы» [44, С. 191–219].

Грамши убежден в ошибочности поиска единого критерия для характеристики интеллектуалов, исходя из сущности интеллектуальной деятельности, а не из свойств совокупной системы отношений, через которую эта деятельность включается в общий комплекс отношений в обществе. И хотя все люди обладают интеллектуальными способностями, однако не все из них выполняют в обществе функции культурного производства. Генезис интеллектуалов в конкретной действительности происходит в соответствии с историческим процессом. Грамши обозначает и социальные слои, из среды

которых, по традиции, выходят интеллектуалы – городская и сельская буржуазия.

И все же наибольший интерес итальянского мыслителя вызывает вопрос, что о статусе интеллигенции в процессе партогенеза, поскольку политическая партия часто выступает социальной базой формирования органической интеллигенции. Именно политическая партия, по Грамши, является тем институтом, который выполняет функцию укрепления связей между органическими интеллектуалами господствующей группы и традиционными интеллектуалами. И эту функцию партия выполняет в зависимости от своей основной функции – «подготовки собственных кадров вплоть до превращения их в квалифицированных политических лидеров-интеллектуалов, присущих органическому развитию интегрального общества, гражданского и политического» [44, С. 196–197]. Таким образом, ключевую роль в создании и распространении систем идеологических представлений, а также достижении социального консенсуса между различными группами влияния и социальными слоями, Грамши отводит именно интеллектуалам.

Другой итальянский философ Норберто Боббио прямо обозначает свой подход к феномену интеллектуалов как этико-политический. Разъясняя свою исследовательскую позицию, Боббио говорит, что «речь не о том, кем являются и что делают интеллектуалы, а о том, кем они должны быть и что делать» [11]. Основной предмет дискуссии о феномене интеллектуалов – это их политическая задача. Отсюда философ выделяет два идеальных типа – идеологов и экспертов, различающихся по своим социально-политическим функциям. В своей классификации Боббио опирается на концепцию деятельности, сформулированную М. Вебером.

Идеологи – это интеллектуалы, разрабатывающие базовые принципы и стратегии, а эксперты – скорее тактики, обеспечивающие рациональный выбор действий в соответствии с поставленными целями [11]. То есть, идеологи ставят цели, а эксперты подбирают средства их достижения. Категории интеллектуалов у Боббио различаются и по своим этическим основаниям. Так

идеологи, как правило, следуют этике добрых намерений, а эксперты – этике ответственности. Отсюда, долг одних – сохранять верность принципам, а других – не терять адекватности в выборе средств достижения целей. Всякое же отступление от этических принципов приводит либо к безответственности, либо к рутинизации социальных практик.

Поскольку интеллектуалы не склонны отождествлять себя с политиками (дело политиков – принятие общих решений, а задача интеллектуалов – постановка проблем и выработка решений), периодически возникают дискуссии об исчерпании ими социальной роли. Вслед за Грамши, Боббио проводит анализ отношений между интеллектуалами и политическими партиями и приходит к выводу о том, что органические интеллектуалы уступают сцену истории другим социальным субъектам.

Сегодня интеллектуалы разобщены, и не имеют веских оснований для гражданских инициатив в рамках деятельности какой-либо политической партии. Однако Боббио полагал, что для реализации своих функций интеллектуалы склонны организовываться в сообщества, имеющие свои особые признаки. Члены такого сообщества ощущают единство, несмотря на высокую конкуренцию за пространство внимания.

Деление интеллектуального сообщества в модели Боббио дихотомично, но не по модели органические / неорганические. Дифференциация скорее осуществляется на интеллектуалов, уже организованных в сообщества и тех, кому организовать еще предстоит [11]. Таким образом, во взаимоотношениях с гражданским обществом основной задачей интеллектуалов является необходимость служить в качестве организующего начала.

В российском социально-философском дискурсе политическую функцию интеллектуала фиксирует В. Подорога. По его мнению, интеллектуалы обладают способностью выражать интересы и смысложизненные ориентиры определенных социальных групп. По мнению исследователя, сегодня ни один интеллектуал не способен избежать политической ангажированности, что, однако, не является результатом его вовлеченности в политические действия

[114, С. 149]. Политизация обусловлена спецификой содержания самого знания, которое производит интеллектуал, и его позиционирования на рынке идей.

Еще одним направлением в трактовке феномена интеллектуалов является *социально-философский анализ их участия в революциях*. Так предпринимая попытку написания «естественной истории революции», Л. Эдвардс и его последователь К. Бринтон называют в качестве необходимой составляющей революции «смещение лояльности интеллектуалов», суть которого состоит в том, что большая часть интеллектуального сообщества в предреволюционных обществах оборачивается против правительства и позже выражает идеи, которые формируют и определяют групповое недовольство [45, С. 82–85]. В подобной ситуации происходит раскол элиты, за которым вскоре следует кризис правительства и наступление революционной ситуации.

Американский исследователь С. Хантингтон в работе «Политический порядок в меняющихся обществах» ставит в качестве исследовательского ориентира условия модернизации. Революция становится аспектом процесса модернизации обществ, отошедших от своего традиционного общественного уклада. Хантингтон выводит две основные предпосылки любой революции: неспособность политических институтов служить каналами входа в политику для новых социально-политических сил и элит, также мобилизация отчужденных от политики групп с целью участия в ней. Он убежден, что «подлинно революционным классом в большинстве модернизирующихся обществ является, конечно же, средний класс. В нем заключен главный источник городской оппозиции правительству» [171, С. 293].

Кроме того, эволюция среднего класса, по Хантингтону, проходит целый ряд этапов. Первые элементы среднего класса, появляющиеся на общественной сцене, – это, безусловно, интеллектуалы, имеющие традиционные корни, но уже являющиеся носителями современных ценностей. Именно они наиболее революционны. Далее, по мере роста среднего класса, последний становится более консервативным. К оппозиции, насилию и революции оказываются склонными уже небюрократические и непредпринимательские группы в его

составе, в числе которых наибольшую склонность к радикальным изменениям общественного порядка вновь демонстрируют интеллектуалы.

Предвестником революции может выступать не смещение лояльности интеллектуалов, о котором писали Эдвардс и Бринтон, а их выход на сцену в качестве самостоятельной силы. Революционер-интеллектуал, по Хантингтону, является практически универсальным феноменом в обществах, переживающих модернизацию.

Однако способность интеллектуалов оказывать значимое влияние на революционные процессы и настроения зависит от их отношений с другими группами в изменяющихся обществах. Как правило, на первом этапе они занимают доминирующую позицию внутри среднего класса. В это время их способность побуждать к революционным действиям определяется тем, насколько успешно им удастся добиваться поддержки других групп и активистов. Хантингтон делает вывод о том, что «город – это центр оппозиции внутри страны; средний класс – средоточие оппозиции в городе; интеллектуалы – самая активная оппозиционная группа внутри среднего класса» [171, С. 294].

Философский аспект проблематики интеллектуалов разрабатывался и в рамках *концепции постиндустриального общества*. Для такого типа общества, по словам американского социолога Д. Белла, характерной становится «доминирующая роль теоретических знаний, господство теории над эмпирикой и кодификация знаний в абстрактные системы символов, которые могут быть применены ко множеству самых различных ситуаций» [9, С. 462]. Такого рода знание Д. Белл определяет термином «интеллектуальная технология» [9, С. 39–41], что характеризует его, прежде всего, как рыночный товар.

В условиях постиндустриального общества изменяются как количественные, так и качественные характеристики знания. Оно обретает экономический статус, превращаясь в основной ресурс, ключевую производительную силу, а также новый тип капитала. Все эти атрибуты, в свою очередь, делают знание ставкой в борьбе за власть, что с неизбежностью приводит и к пересмотру статуса производителей знания. Именно поэтому

американские исследователи второй половины XX века делают попытку переосмыслить статус интеллектуалов, определяя их как представителей «нового класса» или «креативного класса» [36, С. 76].

Так, исходя из посылки обладания интеллектуалами новым культурным капиталом – интеллектуальными ресурсами, которые используются в целях получения экономической выгоды, Э. Голднер называет их «новой культурной буржуазией». Уникальность культурного капитала состоит в том, что он может нечто из ничего. Со временем этот интеллектуальный капитал начинает теснить денежный, в результате чего сами интеллектуалы включаются в процесс производства. В условиях становления постиндустриального общества Голднер прогнозирует формирование нового влиятельного класса – класса интеллектуалов, который приобретет доступ к власти и привилегиям, благодаря обладанию своего рода монополией на культурный капитал.

Социолог Р. Флорида разделяет тезис Голднера о доминирующем положении интеллектуалов в постиндустриальном обществе, но считает, что в основе их возвышения лежит фактор креативности. Флорида дает определение интеллектуалам как «креативному классу», чья творческая потенция определяется как способность создавать новые формы. В социальный состав «креативного класса» входят специалисты, чья экономическая функция заключается в создании новых идей и технологий: ученые, специалисты в области инженерии, архитектуры и дизайна, образования, искусства и развлечений. К креативному классу относится также обширная группа бизнесменов, профессионалов в сфере юриспруденции, финансов и здравоохранения, а также представителей иных профессий, занимающихся решением комплексных проблем, требующих наличия высокого уровня образования и предполагающих рассмотрение множества мнений [36, С. 77]. Закономерно, что с возвышением класса интеллектуалов в обществе устанавливается новый тип стратификации, в основе которого лежит уровень интеллектуальных ресурсов, способных быть обращенными в интеллектуальный капитал. Интеллектуалы также оказывают значительное

влияние и на трансформацию культуры в целом. По мнению Флориды, креативный класс привносит в культуру нематериальные ценности и нормы: индивидуальность, возможность самовыражения, открытость новым идеям, возможность экспериментирования, поощрение разного рода различий [36, С. 78]. Интеллектуалы способствуют утверждению творческого типа деятельности, что является важнейшим фактором развития личности.

Пожалуй, наиболее ярким из современных исследований по проблеме интеллектуалов является работа Р. Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения» [76]. Это масштабный компендиум по мировым философским традициям, сформировавшимся на протяжении 25-ти столетий. Развитие философского мышления представлено автором в контексте смежных интеллектуальных традиций – на стыке с теологией, естествознанием, логикой и математикой. Особое внимание Коллинз уделил социально-историческому контексту развития идей. Основным предметом исследования в работе являются сети «вертикальных» (учитель-ученик) и «горизонтальных» (кружки единомышленников, соперничающие между собой) личных связей между учеными и интеллектуалами. На основе изучения множества биографических источников Коллинзу удалось выстроить несколько десятков «сетевых карт» – схем личных знакомств между философами и учеными для всех рассмотренных им традиций.

Коллинз выделяет общее и особенное в развитии интеллектуальных сетей. Он отмечает, что повсюду можно наблюдать кристаллизацию групп, поиск организационных основ, а также участие в специфических интеллектуальных ритуалах, предполагающих обмен культурным капиталом и эмоциональной энергией, формулировку интеллектуальных позиций, соперничество и сотрудничество. Коллинз не игнорирует уникальность процессов, связанных с развитием и жизнедеятельностью сообщества, а, напротив, показывает, каким именно образом из принципиально общего состава «ингредиентов» интеллектуального творчества складываются эти неповторимые конфигурации [121].

Коллинз предлагает и определение понятия интеллектуалы – это «люди, которые производят деконтекстуализированные идеи» [76, С. 65]. Такая дефиниция позволяет проводить анализ проблемной области, касающейся сущности интеллектуальных сетей, особенностей их динамики и перспектив развития. Коллинз противопоставляет закономерности развития философии, социальных наук и естествознания с математикой. В социальных науках динамика определяется расколом и слиянием фракций, здесь действует закон малых чисел, но отсутствует согласие. А во второй группе общая платформа познавательного консенсуса обеспечивает согласие между исследователями по поводу результатов наблюдений, экспериментов и доказанности теорем. В своей книге Коллинз касается и российской специфики развития интеллектуального сообщества, и в целом представляет перспективный взгляд на проблему интеллектуалов через призму теории групп и социальных сетей.

Из последовательного рассмотрения различных подходов к феномену интеллектуалов можно сделать вывод о наличии двух тенденций в его интерпретации – аналитической и нормативной. В фокусе концепций европейских авторов находится проблема гражданской ответственности и социального долга интеллектуалов. Более того, становится очевидным, что сама дискуссия об интеллектуалах – это аспект более широкого дискурса об отношениях между теорией и практикой, и еще в более общей форме – между миром идей и миром действий, бытием и сознанием.

Отличительной особенностью американского дискурса об интеллектуалах является то, что внимание мыслителей сосредоточено на разработке моделей поведения интеллектуалов, а также на описании их функций в условиях становления информационного общества и медиакратии.

Среди множества черт и функциональных характеристик интеллектуалов, отраженных в спектре их определений как «свободно парящей» (К. Мангейм) или «органической» интеллигенции (А. Грамши), носителей «культуркапитала» (П. Бурдьё), представителей «нового» (Э. Голднер) или «креативного» (Р. Флорида) классов, важной особенностью данной социальной группы является

профессионализация и способность создавать проекты, имеющие значение не только в конкретной ситуации применения, но и оказывающие влияние на интеллектуальное творчество и социальную практику впоследствии.

Именно в ключе американской традиции предложено прагматическое определение интеллектуалов, взятое за основу в настоящем диссертационном исследовании: интеллектуалы – это люди, которые создают идеи, обладающие социальной значимостью вне исторического контекста и географической локализации.

Такое определение, на наш взгляд, позволяет преодолеть доминирующую с современным социально-философском дискурсе нормативистскую трактовку интеллектуалов, а также исключить из объекта анализа диссертационного исследования тех представителей интеллектуального труда, которые не производят деконтекстуализированные идеи, не генерируют социально значимые идеи и проекты.

1.3 Трансформация социального статуса интеллектуалов в современном обществе

Значительный сегмент рассуждений в современном философском дискурсе об интеллектуалах представляет проблема исчерпания ими своей социальной роли.

В работе «Американские интеллектуалы как исчезающий вид» исследователь Джон Лукач предпринимает попытку вскрыть причины критики интеллектуалов и в целом явления антиинтеллектуализма, проявившегося в США во второй половине XX века. Он отмечает, что американские интеллектуалы выделились в отдельный класс уже к 1910 году, но прежде всего по признаку общности взглядов, а не социального статуса: «это были мужчины и женщины менее ограниченные, более начитанные, как правило, более либеральные и прогрессивно мыслящие» [86]. Интеллектуалы подвергали критике взгляды большинства, и сами считали себя меньшинством, что

проявляло себя в интеллектуальном снобизме, честолюбивом стремлении считать себя одним из немногих и даже личной трагедии одиночества. Лукач утверждает, что к 1930-м гг. большинство американских интеллектуалов сосредоточилось в левой части политического и идеологического спектров, но коммунистические идеи не снискали популярности у народных масс. В те же годы амбиции многих интеллектуалов приобретают политический и бюрократический оттенок, но получив назначения на те или иные должности в администрации, интеллектуалы не спешили отказываться от левых или модернистских убеждений. Запуском механизма критики интеллектуалов послужила реакция во времена «второй красной паники», вызванная разоблачением прокоммунистической деятельности целого ряда чиновников, профессоров и интеллектуалов. В 1950-е гг. слово «интеллектуал» приобрело синоним «яйцеголовый» и стало общенациональным определением предмета для насмешек [86]. Но Лукач убежден, что подобный регрессивный процесс имел и благоприятные результаты. Один из них – рост числа и достижений ученых в университетских кругах и возникновение интеллектуалов-консерваторов, потребность в которых стала остро испытывать политическая элита США. В настоящее время, по мнению Лукача, можно наблюдать исчезновение и академических, «непубличных» интеллектуалов, утративших свою аудиторию.

Американский исследователь Рассел Якоби в статье «Интеллектуалы и их неудовлетворенность» также отмечает, что «классический образ интеллектуала померк, и нам больше не встретится привычная для Европы и Северной Америки картина, где на интеллектуалов смотрели как на бунтарей, при этом изнеженных, не дорожащих своей репутацией и невероятно надменных» [207, С. 37].

Во второй половине XX века во Франции против интеллектуалов также выдвигается серьезное обвинение: они не способны понять реальной жизни, а если факты не соответствуют их идеям, то они меняют факты. Отсюда возникает требование, что миф об интеллектуале должен быть развенчан, ибо

его фигура утратила способность к самокритике и узаконила разрушительный для себя принцип «цель оправдывает средства».

В 1980-х гг., после смерти Ж.-П. Сартра, французский философ-постструктуралист Ж.-Ф. Лиотар публично заявил о конце эпохи интеллектуалов. Он считал современного ему интеллектуала продуктом Просвещения, деятелем, собравшем воедино излишества современности, чтобы выразить универсальное [91, С. 46].

Позицию Лиотара разделяет и французский историк, автор концепции мест исторической памяти Пьер Нора. Он полагал, что интеллектуал-оракул стал достоянием прошлого. Согласно Нора, «никто не обратится (сегодня) к Мишелю Фуко с вопросом, как это бывало с Сартром, о том, стоит ли ему завербоваться в иностранный легион или заставить подружку сделать аборт. Как бы ни был велик его авторитет, он уже далек от жреческого. Интеллектуал подвергся секуляризации, в его пророческом даре изменился стиль» [91, С. 47].

На рубеже XX и XXI веков подозрения против интеллектуалов наполняются содержанием, благодаря работам Пьера Бурдьё, пристальное внимание в которых уделено делам, жестам и индивидуальным стратегиям интеллектуалов. Утверждается, что любая стратегия интеллектуала направлена осознанно или бессознательно на защиту лишь его собственных интересов, а также обретение благ – материальных или символических. Отсюда, интеллектуал становится весьма опасным социальным актором.

Всплеск скептицизма по отношению к интеллектуалам, безусловно, связан и с осмыслением главных уроков XX века – тоталитаризма, нацизма, Холокоста и т.п. Любой проект по улучшению судьбы человечества стал восприниматься сквозь призму лозунга «остерегайтесь интеллектуалов».

Казалось бы, в современном мире всеобщего недоверия никто более не верит интеллектуалам, поскольку именно они привели современность к эшафоту. Они возомнили себя просветленными и стали врагами открытого общества. Но, по замечанию того же Бурдьё, «если не станет интеллектуалов, то не будет и великих дел» [91, С. 49]. Поэтому французские авторы склонны

утверждать, что власть интеллектуала все же должна сводиться к изменению убеждений с помощью критики и педагогики. Наиболее важными сферами его деятельности, по-прежнему, остаются публичное выражение своих идей и обучение.

Для российского публицистического дискурса также характерен пафос «предательства» интеллектуалов и даже «смерти» интеллектуала как социального субъекта.

На этапе критической рефлексии начала 2000-х гг. в России особенно заметна позиция историка А. Кустарева, не проводящего четкой грани между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы» и определяющего их как конгломерат агентуры умственной функции – «интеллигентности» («церебральности»), общества [83, С. 18]. По его мнению, говоря об интеллектуалах сегодня, мы имеем дело с неустойчивой конвенцией и терминологической недоговоренностью в обществе. Однако каким бы ни был дисбаланс «интеллигентского нарратива», как определяет его Кустарев, содержание дискурса о его влиянии традиционно характеризуется следующими аспектами:

– самоопределение в апологетическом ключе, с одной стороны, и критика так называемой «псевдоинтеллигенции»;

– изобличение и одновременно приписывание интеллектуалам долга перед обществом, в чем и заключается нормативная составляющая «нарратива» [83, С. 19].

Кустарев обращает внимание на формирование в России своего рода «антиинтеллигентского синдрома» и предпринимает попытку определить его истоки. Этот «синдром», по мнению исследователя, «зародился в бюрократической среде (особенно церковно-бюрократической), а затем был воспринят самой интеллигенцией в сборнике “Вехи”. “Вехи” добавили к нему “барского” гонора. В первые годы советской власти он вдохновлялся идеями левого радикала Махайского (хотя сам он был предан анафеме) и, в сущности, парадоксальным образом стал элементом антиинтеллигентства советских

чиновников, сохранивших некоторый пролетарски-комиссарский синдром. Но гражданское антиинтеллигентство с 1960-х годов снова вдохновляется «Вехами». Из фольклорного существования в печатное слово его перевел классический «веховец» Солженицын, написавший знаменитую статью про «образованщину», чуждую своему народу. И сейчас все обвинения в адрес русской революционной и советской диссидентской интеллигенции, виноватой якобы в несчастьях России (революция, перестройка и что еще?), в сущности, представляют собой парафразы «веховства»» [83, С. 21].

Отметим, что сборник «Вехи», вышедший в 1909 году тиражом около 10-ти тысяч экземпляров и открывавшийся статьей Николая Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда» [27], ставил своими важнейшими задачами, во-первых, дать определение интеллигенции, а во-вторых, обозначить ее роль в освободительном движении в России начала XX века.

Отсюда в «Вехах» предпринимается и одна из первых попыток демаркировать понятия интеллектуального человека и человека интеллигентного. Действительно, *интеллектуал* в сборнике является скорее синонимом образованного человека. В свою очередь, *интеллигент* предстает в качестве индивида, в значительной степени ангажированного в политической, религиозной или какой-либо иной сфере. Наиболее четко, пожалуй, это прослеживается в статье Петра Струве «Интеллигенция и революция» [146].

Оппозиция этих двух начал сохраняется в российском дискурсе и спустя 110 лет после выхода сборника. При этом действительно, имеют место взаимные нападки и упреки в игнорировании исполнения долга перед обществом.

Нам также представляется очевидным факт, что интеллигенции, как культурно-антропологическому типу, не удалось удержать статус «морального ордена» нации ни в одном из современных обществ. Знаменитое определение интеллигента, предложенное С.Л. Франком, как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» чаще вызывает лишь

снисходительную усмешку. Интеллигентский нарратив перестал быть ядром общественной жизни, а сама интеллигенция более не является референтной группой для большинства членов общества.

Тем не менее, взлет и последовавший за ним кризис социального статуса интеллигенции – общий феномен для всех культур, которые прошли период модернизации. Все они сталкивались с проблемой интеграции «новых людей» в социально-политическую структуру меняющегося общества. Российский дискурс характеризует формирование сразу несколько исследовательских позиций по проблеме трансформации социального статуса интеллигенции.

Философ А. Ашкеров формулирует тезис о преобладании в экономической структуре общества сферы услуг и говорит о необходимости анализа изменения роли знаний и информации, которые ранее семантически не были связаны с указанной сферой. По его мнению, общество эпохи постмодерна характеризуется так называемой десубстанциализацией знания, когда количественный рост информации сопровождается потерей ее смыслового содержания. Здесь «единственной легитимной формой интеллектуальной деятельности становится интеллектуальный сервис» [4, С. 10].

В свою очередь, социальный статус интеллектуала напрямую зависит от того, насколько успешно он конвертирует свои занятия в услугу. В зависимости от набора сервисов, составляющих предложение на рынке знания, Ашкеров выделяет типы интеллектуалов. Интеллектуал здесь может выступать экспертом, оценщиком, судьей, сценографом, проводником, агентом цинического разума, сумасшедшим изобретателем, слугой и, наконец, смыслократом [4]. Очевидной параллелью позиции Ашкерова является концепция «специализированного интеллектуала» М. Фуко, о которой мы упоминали ранее.

Социальный антрополог О.К. Степанова отмечает, что используемое в современном российском дискурсе понятие «интеллектуалы», вовсе не является адекватным синонимом интеллигенции. По ее мнению, в западных

исследованиях понятие «интеллектуалы» обозначает людей, которые отличаются высокими интеллектуальными способностями в сфере культуры, философии и искусства [144, С. 48]. Исследователь обращает внимание на то, что сегодня предпринимается все больше попыток отказаться от понятия «интеллигенция» или же вытеснить его за пределы символического пространства, однако именно здесь возникает вопрос о возможности и необходимости конверсии отечественной интеллигенции в интеллектуалов.

О позитивном потенциале процесса конверсии говорит и социолог Б.М. Фирсов. Однако исход подобной трансформации зависит от целого ряда объективных и субъективных условий:

- наличия высоких гарантии независимости интеллектуалов от государства;
- сознательный отказ интеллигенции от исключительно просветительских функций по отношению к «необразованному» народу;
- финансовая и материальная стабильность при условии существования за счет интеллектуального труда.

Фирсов связывает надежды на успех конверсии «с появлением среди состоятельной части общества определенной культурной аудитории, к которой интеллектуалы могли бы апеллировать и в среде которой могли бы находить необходимую моральную и материальную поддержку; а также с наличием развитых систем коммуникации, которые могли бы обеспечить животворный обмен научными результатами и мнениями, охватывающий при необходимости все элементы социума» [164, С.166].

Анализ событий, произошедших в России после распада СССР, проведенный Фирсовым, не позволяет выдвинуть тезис о том, что в массе своей представители советской интеллигенции стали интеллектуалами. Более того, до сих пор происходит смена «конфуцианской», в терминологии Фирсова, модели отношений интеллигенции и общества на «даосскую».

Раскрывая принципиальные различия этих моделей, он обращает внимание на то, что в рамках первой модели интеллектуал «сыт, прикормлен,

находится на общественном содержании и причастен в определенной мере к принятию решений» [164, С. 169]. Однако взамен он служит обществу тем, что является частью административно-бюрократического аппарата государства.

«Даосская» модель, напротив, предполагает, что взаимодействие интеллектуала с обществом носят крайне редкий, а подчас и случайный характер. «Даосский» интеллектуал не имеет постоянной социальной поддержки, часто ощущает себя «лишним» и не востребуемым. Однако, именно такая модель, модель «лишнего человека», по мнению Фирсова, и была исторически характерна для русской интеллигенции.

В отечественной социальной мысли можно найти и другие свидетельства тому, что сама природа интеллигенции обуславливает трудности на пути трансформации ее общественного статуса.

Российский экономист и историк М.И. Туган-Барановский отмечал, что появление интеллигенции в российском обществе явилось следствием особого социально-исторического пути России [148]. Иначе говоря, она возникла как функциональная замена отсутствующего среднего класса. И если в модернизирующихся обществах на Западе именно средний класс выступал субъектом социально-политических изменений, то в России модернизационные процессы, в силу их догоняющего характера, не имели такого носителя. А интеллигенция, перейдя в оппозицию по отношению к власти, скорее выступала в роли катализатора этих процессов, своеобразно, но пытаясь выразить и защитить интересы угнетенного народа.

Попытку дать объяснение такому поведению делает сибирский исследователь Н.А. Заусаева. По ее мнению, ответ заключается в природе сознания, характерного для основной массы населения России. В традиционном сознании издавна укоренен культ крестьянского, воинского, словом, физического труда [58]. И это выражается в легковесном представлении об интеллектуальном труде как никчемном и бесполезном. Соответственно, это влечет за собой негативное отношение к умственным занятиям интеллигенции в обществе и, кроме того, порождает чувство вины у представителей свободных

профессий, ведь высокие моральные устои интеллигенции и ранее обязывали реагировать на общественное мнение соответствующим образом.

К этому следует добавить и сомнения по поводу полезности своей деятельности, вечные искания оснований для оправдания своего существования и т.п. Долг перед народом, большая часть которого ради выживания занята тяжелым физическим трудом, превращалась в своеобразный комплекс, подталкивающий интеллигенцию искать способ искупить вину за возможность заниматься относительно легким интеллектуальным трудом. Один из способов оплаты подобного долга перед народом означал помощь последнему в реализации его интересов. Взяв это бремя на себя, интеллигенция в России становилась активным политическим субъектом, функционально подменяя средний класс. Для европейских и американских интеллектуалов такая сугубо политическая функция если и имела место, то носила опосредованный характер, либо была присуща преимущественно ее левым фракциям [58].

Очевидно, что эффективность процесса конверсии зависит от выбора форм его осуществления, которые во многом определяются действующими институтами, традициями и имеющимся опытом. В этом отношении М. Вебер, к примеру, высоко ценил практики участников российского земского движения.

Институционализация современных форм участия интеллектуалов в социальных процессах происходит в формате фондов, исследовательских центров и институтов. Однако, такие формы могут стать и препятствием на пути конверсии.

Американский исследователь Э. Голднер отмечал, что одной из причин неудач трансформации интеллигенции в интеллектуалов в постсоветской России является «бюрократизация интеллектуалов или же интеллектуализация бюрократии» [36]. Это означало, что значительная часть образованной прослойки в СССР была представлена технической интеллигенцией, ставящей специализированные профессиональные интересы превыше всего. Как результат, советская интеллигенция, в отличие от западных ангажированных

интеллектуалов, проявляла пассивность в решении вопросов, которые не были связаны непосредственно с профессиональными интересами.

Значимым фактором при анализе конверсии интеллигенции в интеллектуалов также выступает оценка их участия в процессах социальной модернизации. Исследователь Н. Козлова называет интеллектуалов «детьми Модерна – цивилизации универсальной нормы, цивилизации проекта» [71]. По ее мнению, интеллектуалы – это «те, кто создавал и создает нормы и проекты реформ, критикует существующий порядок» [71]. Роль интеллектуалов в модернизации заключается в производстве знания, которому доверяют в эпоху перемен и в ситуации растерянности. Таким экспертным продуктом часто выступают разрабатываемые интеллектуалами идеологии, так как с их помощью можно оценить соответствие происходящих процессов идеальному социальному порядку и универсальным ценностям. Участвуя в производстве картин мира, интеллектуалы способствуют укоренению новых культурных образцов: норм, институтов, ценностей. И тем самым могут обеспечить успешное протекание модернизационного процесса.

Участие российской интеллигенции модернизационных процессах конца XX стало еще одной попыткой конверсии в ситуации, когда интеллигенция могла вообще сойти с исторической сцены как массовое явление. С одной стороны, уступая место среднему классу и передав ему свою политическую функцию выражения интересов народного большинства, интеллигенция могла бы уменьшить стремление к неконструктивной оппозиционности, занявшись решением социальных проблем. Но с другой, лишившись своей политической функции, интеллигенция перспективу постепенной трансформации в социальный слой интеллектуалов, став тем самым фактором успешной модернизации [58].

В контексте дискуссии о трансформации социального статуса интеллигенции интерес представляет также позиция Ю.М. Резника, сосредоточившего свое внимание на анализе структуры интеллектуального сообщества. Он убежден, что сообщество интеллектуалов не представляет

собой единого целого, его внутреннее разделение характеризуется поляризацией на две группы: носителя гражданских идеалов – интеллигенцию, а также профессиональных производителей идей, интеллектуалов, обслуживающих интересы структур бизнеса и политики. В такой дуалистичной модели именно интеллектуалам приходится смириться с утратой автономии (как моральной, так и академической) и подчинить свои способности институтам власти и влияния [118, С. 79].

Таким образом, спецификой рассуждений о понятии и сущностных чертах интеллектуалов в России становится полемика о возможности конверсии интеллигенции в связи со снижением ее социальной активности и вытеснением с исторической сцены.

Исследователи отмечают трудности на пути конверсии, связанные с догоняющим характером модернизации, отсутствием среднего класса как социальной базы для формирования интеллектуальных сообществ, а также традиционно низким статусом интеллектуального труда. Тем не менее, российская трактовка феномена тяготеет к излишней нормативизации, предписыванию интеллектуалам качеств, характерных для интеллигенции.

Очевидно, что в развернувшейся дискуссии о конверсии интеллигенции в интеллектуалов так и не выработан однозначный ответ на вопрос о необходимости подобного процесса и факторах, достаточных для трансформации. Однако, на наш взгляд, эвристический потенциал полемики призван, с одной стороны, противостоять декларации «смерти интеллигенции» как социального субъекта, а с другой – избыточной морализации образа интеллектуала как наследника «русского интеллигента».

Анализ основных черт и функций интеллектуалов в обществе, а также специфики трансформации их социального статуса показывает, что, по сути, и те, кто дает критическую оценку фигуре интеллектуала, и те, кто видит в нем производителя уникального культурного капитала – блага, столь ценного для современного общества, чаще говорят не о реальных людях, а об идеальном типе или концепте, давно ставшем социальным стереотипом.

Такой стереотипный интеллеktуал, в большей или меньшей степени исповедующий этику гражданской ответственности, и оказывается сегодня заложником социальной теории, которая, с одной стороны, склонна причислять его к ряду персонажей, исчерпавших свою социальную роль, а с другой – не без тоски и ностальгии оказывать ему знаки почтения.

История показывает, что социально-антропологический тип образцового интеллеktуала, который, как принято думать, обладает устойчивым набором убеждений, на практике не всегда способен эффективно реализовать отстаиваемые принципы. Какими благими бы ни были цели проекта, предлагаемого интеллеktуалом, для достижения конечных задач он не может отрешиться от окружающей его социальной реальности, игнорировать структуру пространства внимания и использовать исключительно дискурсивные средства для продвижения своих идей.

Однако не стереотипные интеллеktуалы, но реальные люди, производящие деконтекстуализированные идеи, сегодня готовы поступиться частью своей независимости, академической репутацией и активно включаются в поле политической практики. Отсюда представляется значимым анализ моделей и конкретных случаев участия интеллеktуалов в гражданских движениях в различных странах, что позволит подвергнуть критической рефлексии условия и результаты подобной кооперации.

Глава 2 Влияние интеллектуалов на развитие гражданских движений (на материале истории стран Восточной Европы, Латинской Америки и России второй половины XX века)

2.1 Модели участия интеллектуалов в социальных движениях

Феномен самоорганизации служит объектом внимания науки с момента ее зарождения. В XX веке изучение данного явления в материальных системах проводилось с позиций множества различных подходов.

Однако сама проблема самоорганизации в социальных системах и ее интерпретации появились гораздо ранее. Исследователь В.В. Василькова связывает зарождение идеи спонтанной самоорганизации общественного целого из схоластического разнообразия проявления свободных волей с именем религиозного мыслителя XVI века Л. Молины, который полагал, что мир организуется не только действием бога извне, но и действием свободных волей индивидов изнутри, что в свою очередь, обуславливает наличие в мире случайности и многовариантности [25, С. 216].

Принцип самоорганизации множества свободных волей лежит и в основе теорий общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк), рыночной конкуренции (А. Смит, М. Фридман, Ф. Хайек и др.), а проблемы порядка и хаоса, закономерности и случайности, инвариантности и нелинейности процессов социального развития рассматриваются в исторических и цивилизационных концепциях [43].

Анализ феномена самоорганизации в современной науке представлен и в ряде течений новой экономической социологии (неоинституциональной экономики). Одним из инструментов изучения множеств социальных субъектов и иных акторов, объединенных какими-либо общими интересами, являются социальные сети. По мнению исследователей (М. Гранновтер, Х. Уайт, Р. Бёрт, У. Пауэлл, Д. Старк), складывающиеся цепочки формальных и неформальных отношений позволяют индивидам обмениваться информацией,

разрешать конфликтные ситуации, выстраивать доверие и т.д. В свою очередь, новая институциональная теория (П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Биггарт, У. Бейкер, Н. Флигстин, Л. Болтански, Л. Тевено) отказывается от интерпретации общественных институтов как совокупности абстрактных норм или ценностей и склоняется к их пониманию как набора формальных и неформальных правил, которые регулируют практики повседневной деятельности и поддерживаются этими практиками.

Предметом многолетней научной дискуссии в России и за рубежом выступает также явление гражданской самоорганизации. Горизонт теоретических позиций и взглядов на специфику процессов самоорганизации граждан весьма широк, начиная с психологических подходов и вплоть до интерпретаций, акцентирующих внимание на правовых аспектах формирования сообществ.

В зарубежной социологии проблемы гражданской самоорганизации отражены в концепции «со-общественности» (community life) Дж. Р. Гасфилда, считавшего навыки самоорганизации индикатором и предпосылкой укрепления социальных связей [214].

В работах американского социолога Д. Смита также дан подробный анализ феномена низовой самоорганизации. Субъектами низовой самоорганизации, по Смиту, выступают относительно автономные, добровольческие некоммерческие местные сообщества, организационной основой которых является добровольная кооперация [229].

В России самоорганизация граждан исследуется в целом ряде аспектов. Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова изучают роль общественных движений и организаций в становлении общественного самоуправления [97]. Особое значение общественного участия в решении локальных проблем отмечает А.Ю. Сунгуров [147]. Ю. Филиппов и В. Гассий интерпретируют местное сообщество как среду формирования солидарности, взаимного доверия, обязательств и общности интересов [163]. Сегодня в российской науке активно развивается направление «теория социальных практик» [28]. Также в фокусе

внимания отечественных исследователей находятся социальные технологии интеграции местных сообществ вокруг решения общих проблем.

Значительным эвристическим потенциалом в исследовании гражданской самоорганизации обладает социология общественных движений. В рамках данного направления существует три системных подхода, анализирующих проблемы общественных движений, а также две школы – американская и европейская.

Американской школой разработаны популярные в 1950–1970-х гг. теории коллективного поведения и коллективного действия. В 1980-х гг. в связи с распространением массовых экологических, антивоенных и иных ценностно-ориентированных движений, в Европе возникла концепция «новых социальных движений», характерной чертой которой являлся макросоциологический анализ общества с точки зрения расстановки социальных сил, выявления тенденций и долгосрочных перспектив. Новейшие же исследования в этой области имеют основанием синтез обозначенных ранее подходов [170, С. 11–13].

Отметим, что самоорганизация достаточно часто выступает признаком или способом формирования движений. Согласно позиции американского исследователя М. Олсона, возникновение малых и больших групп граждан, организующихся в целях представления и отстаивания своих интересов, прежде всего, социальных и экономических, является в условиях демократии и рыночной экономики вполне закономерным рациональным действием [170]. В свою очередь, американский социолог Ч. Тилли в работе «От мобилизации к революции» также указывал на то, что «совместное действие, направленное на достижение общих целей» или «совместную деятельность людей, объединенных общими недовольством, надеждами и интересами» [233].

Для большинства социально-теоретических исследований характерна весьма широкая трактовка социальных движений. Например, Р. Тернер и Л. Киллиан детерминируют движения как «коллективные образования, действующие в течение достаточно длительного времени, целью которых является содействие или сопротивление социальным изменениям в обществе

или группе, частью которой оно является» [219]. Кроме того, в современном социологическом дискурсе понятие «социальное движение» часто подменяют термины «некоммерческая организация» или «неправительственная организация», служащие описанию легальных институтов гражданского общества.

Российский социолог С.В. Патрушев обращает внимание на то, что в работах зарубежных исследователей гражданская активность в целом реализуется в пространстве гражданского общества, что определяет и следующие ее основные типы.

Во-первых, это *гражданское участие* как публичная активность, обладающая адаптивным характером, обеспечивающая достижение индивидуальных, групповых целей в существующих институциональных условиях, а также связанная с реализацией универсальных прав и свобод граждан и соответствующих этим правам компетенций (например, поведенческих навыков и способностей) [112].

Здесь, по уровню и ориентации целей подобной общественной активности, следует различать:

- индивидуальное участие как деятельность отдельных граждан, применяющих универсальные права и свободы для решения личных проблем;
- коллективное участие или деятельность граждан или их объединений, применяющих универсальные права и свободы для решения проблем отдельных общностей и/или граждан;
- общественное участие или деятельность отдельных индивидов, а также объединений граждан, применяющих универсальные права и свободы для решения проблем, значимых для большинства или всех граждан;
- глобальное участие, ориентированное на международный уровень прав человека, международные нормы [112].

Гражданское действие – публичная активность, «связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными

и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах» [112].

На наш взгляд, именно гражданское действие несет в себе потенциал самоорганизации – его отличает ориентация не на личные, а на общие интересы, связанные с универсальными правами и свободами.

В диссертационном исследовании самоорганизация рассматривается как совокупность форм социального опыта объединения инициативных групп граждан в целях выражения коллективных требований, затрагивающих проблемные условия жизнедеятельности местного сообщества в целом или его значительной части. Сущностными чертами гражданской самоорганизации выступают: горизонтальные связи между участниками, развитие солидарности и коллективной ответственности.

В совокупности мнений исследователей относительно причин и условий гражданской самоорганизации можно выделить несколько позиций.

Формирование благоприятной структуры политических возможностей. Для принятия добровольным объединением граждан формы организованного коллективного социального действия, необходим соответствующий социально-политический контекст или набор условий, благоприятствующий возникновению самой возможности самоорганизации [216]. Как правило, появление низовых гражданских структур, связано с созданием новых общественных институтов, формирующих устойчивую структуру взаимоотношений между людьми. Примером может служить трансформация политических режимов (Перестройка в СССР), и локальные изменения законодательства (о местном самоуправлении объединений граждан, появление товариществ собственников жилья) и т.д.

Мобилизация ресурсов. Американского политолог Ч. Тилли утверждал, что коллективное действие представляет собой ряд периодически повторяющихся взаимодействий между представителями власти и гражданами, выступающими с требованиями изменения властных структур от лица

социальных групп, не имеющих легального представительства, при этом подкрепляя свои требования массовыми публичными демонстрациями. Сами по себе уровень недовольства, структурная напряженность или революционные идеологии не могут выступать достаточным основанием возникновения общественных движений. По Тилли, коллективное действие оформляется в движения только при определенных состояниях и возможностях, которые становятся ресурсами движения. Именно эти возможности следует обнаруживать, а также научиться использовать – мобилизовать [233].

В социальной теории выделяют следующие типы мобилизуемых ресурсов:

- организационные;
- информационные – тип и развитость формальной и неформальной коммуникативных сетей;
- материальные – финансовые ресурсы, помещение, оборудование и т.п.;
- стратегические – репертуар коллективных действий;
- социальные – групповая солидарность, наличие лидеров, активистов и сторонников.

Среди перечисленных типов особое значение имеют именно социальные ресурсы, они относятся к наименее затратным и более доступны для ущемленных общественных групп. К ним, в первую очередь, относятся прочность и развитость горизонтальных связей и сетевых отношений внутри движения; солидарность, как способность к взаимной помощи и учету интересов других участников движения; групповая идентичность или чувство принадлежности к сообществу.

Проектный подход. Результатом такого подхода, используемого как представителями власти, так и организациями гражданского сектора, является формирование и укрепление отношений сотрудничества между людьми для решения общих задач. Примерами такого взаимодействия являются ярмарки социальных проектов, деятельность фондов развития местных сообществ,

осуществляющих поддержку низовой самоорганизации граждан в решении тех или иных актуальных локальных задач.

Социальный протест. В ситуации нарушения норм и правил возникает консервативная и протестная реакция людей на изменения. Такая реакция служит пусковым механизмом процессов самоорганизации и объединения людей на основе новых правил и норм. Возникновение самоорганизации носит стихийный характер; часто она направлена не только на восстановление нарушенных институциональных и этических правил, но и на манифестацию несогласия с практикой использования людей как средства достижения целей отдельных индивидов и групп. Примером самоорганизации на макроуровне являются объединения больших групп людей, «сметающих» на своем пути старую власть в процессе революций, бунтов, государственных переворотов. «Нередко, только объединив усилия и сформировав единое протестное движение, граждане могут надеяться быть услышанными представителями власти в рамках той или иной конфликтной ситуации, затрагивающей их интересы» [173]. В современной России весьма частым явлением служат практики объединения жителей одной территории в рамках борьбы с нежелательным планом застройки, в том числе точечной. Катализатором низовой самоорганизации зачастую является и возникновение угроз экологическому благополучию жителей.

Самозащита. По мнению Б. Дубина, в современной российской действительности «различные формы общественных инициатив, явления самоорганизации носят самозащитный, реактивный, локальный и разовый характер. Общество в сегодняшней России – это общество не участия, а стигмы и самозащиты, с одной стороны, и ритуалов символического единения с фигурами сверхвласти – с другой» [55]. Развивая позицию исследователя, Т. Ворожейкина отмечает, что все, кто сегодня пытается организованно отстаивать свои права и интересы, с неизбежностью сталкиваются с произволом государственных чиновников и связанных с ними частных структур. Инициативные группы, как правило, начинают с коллективных

обращений и жалоб, однако когда представители государства не реагируют на заявления или под каким-либо предлогом уклоняются от этого, то тем самым они вынуждают граждан защищать себя самостоятельно. Т. Ворожейкина считает, что «люди начинают объединяться и предпринимать какие-то действия часто только тогда, когда затронуты их непосредственные интересы, для самозащиты. Исторически именно таким образом происходило становление механизмов горизонтальной интеграции общества» [32, С. 18]. Утверждение крупных форм коллективной солидарности, которые не ограничиваются только «своими», всегда начиналось с защиты собственных интересов, прав и достоинства. Это служит универсальным принципом, поскольку отдельные индивиды могут проникнуться духом гражданской солидарностью, только осознав ценность горизонтальных связей в решении своих проблем. Отсюда самозащита является необходимым начальным шагом к возникновению более общих форм солидарности в обществе. Защита своих непосредственных жизненных интересов от угроз, так или иначе связанных с властным произволом, имеет своим логическим исходом отстаивание прав в рамках гражданских ассоциаций.

Ответ на вопрос, что необходимо для того, чтобы возникающие общественные инициативы и очаги гражданской самоорганизации имели продолжение, требует изучения особенностей динамики движений.

Исследуя внутреннее развитие общественных движений, П. Штомпка выделял в нем следующие стадии:

- 1) возникновение,
- 2) мобилизация,
- 3) совершенствование структуры,
- 4) завершение.

Во-первых, все социальные движения возникают в определенных исторических условиях. Это задает запас ресурсов и возможностей, оказывает влияние на формулирование идей, цели, сторонников и противников.

Во-вторых, по мнению Штомпки, «карьера» движения начинается на этапе мобилизации, к запуску которой приводит интенсификация социальной напряженности. Залогом успеха движений являются рост числа сторонников, выдвижение лидеров, формирование организационных основ, что способствует возникновению более или менее устойчивой структуры движения. Наконец, результатом развития движений можно считать достижение ими своих целей или, напротив, подавление гражданской активности представителями власти [182].

Американский социолог У. Гэмсон в работе «Стратегия социального протеста» определил ключевые критерии результативности движений:

- 1) достижение поставленных целей;
- 2) легитимация движения со стороны властей и оппонентов – официальное признание правомерности его статуса как представителя интересов отдельной социальной группы.

Вариации сочетания этих критериев позволили Гэмсону выделить типы возможных результатов развития того или иного движения:

- полный успех, характеризующийся достижением целей и окончательной социальной легитимацией движения;
- частичный успех, когда движение или организация признаны властями и оппонентами, однако цели их деятельности не достигнуты;
- частичный успех (опережение или упреждение), когда цели движения достигнуты, но сами они не получают формального признания;
- поражение движения в ситуации, когда цели и легитимация не достигнуты.

Результат в каждом из перечисленных случаев зависит и от выбора движением конкретных средств достижения целей. К примеру, для самоорганизованных групп граждан, достигших полного успеха, характерны жесткая иерархия, узкие конкретные цели, активная мобилизация сторонников, а также приоритет неконвенциональных форм протестной активности, не исключающих применение насилия по отношению к оппонентам.

Типичными чертами протестных групп, добившихся частичного успеха, являются формализованная организационная структура, массовое участие, а также использование периодов социальной нестабильности (к примеру, военных действий) как поводов выдвижения собственных требований. В случаях, когда успех выражается в опережении, для движений характерна небольшая численность, централизация, пульсация активности в зависимости от политической ситуации [23].

В аспекте политической динамики, наиболее благоприятным временем развития инициативных групп и распространения практик гражданской самоорганизации оказались периоды социально-политических кризисов.

Таким образом, возникновение движений, а также достижение ими поставленных целей, в значительной мере определяется внешней институциональной средой и политическим контекстом. В свою очередь, понятие «политический контекст» содержательно выступает как частный случай применения концепции структуры политических возможностей, разработанной такими авторами, как Ч. Тилли, Д. Макадам и С. Тэрроу [214], стремившихся в своих работах связать появление различных социальных движений с изменениями в институциональной структуре или неформальных властных отношениях в рамках конкретной политической системы.

Наиболее широким определением структуры политических возможностей в контексте проблематики диссертационного исследования выступает совокупность внешних (экзогенных) факторов, воздействующих на организационно-символический потенциал социальных движений [216, С. 1464].

К характеристикам политических систем, оказывающих определяющее влияние на структуру и репертуар коллективных действия, относятся:

- степень открытости / закрытости политической системы;
- стабильность элитных групп;
- наличие у элит влиятельных союзников;

– толерантность элиты к социальному протесту и склонность к использованию репрессий [110].

Все эти факторы, а также институциональные условия, правила и нормы, регулирующие процессы формирования повестки дня и принятия политических решений, выступают переменными при анализе взаимоотношений властвующих элит и социальных движений.

Наибольшее значение в современной теории социальных движений придается степени открытости политической системы: чем более открыта система, тем больше движения стремятся к использованию умеренных стратегий и институциональных каналов влияния на власть. При этом политическая институционализация и является образцом успеха движений.

Важнейшим условием динамики является также социокультурная среда движений – набор идей, норм и ценностей, благодаря которому возможны самоорганизация и коллективное действие.

По мнению Т. Ворожейкиной, необходимым фактором успеха самоорганизации граждан является заинтересованная поддержка со стороны профессионалов, экспертов, ученых. Так, например, в Латинской Америке в становлении социальных движений активно участвовали независимые интеллектуалы и университетские специалисты, активисты левых партий, которые обеспечивали экспертную, правовую и идеологическую базу для этих движений, а часто и их организационные формы. Значение интеллектуалов в низовой самоорганизации состоит в развитии и поддержании символической сферы движения, групповой идентичности сторонников, формулировании целей движения и стратегии деятельности лидеров, а также аккумуляции социального капитала и его конвертации в гражданские практики. Безусловно, степень участия интеллектуалов на отдельных этапах развития движения различается. Сотрудничество профессиональных производителей идей и гражданских активистов представляется особенно важным на стадии мобилизации движений, что создает исследовательские возможности для анализа роли интеллектуалов в гражданской самоорганизации.

Проведенный в предшествующем разделе работы анализ точек зрения исследователей на проблему определения и функций интеллектуалов в обществе позволил выявить существенные черты данной группы, основной из которых является профессиональная деятельность по производству идей, обладающих значимостью вне какого-либо социального контекста или исторической или географической локальности. Изучение явления гражданского действия также не позволяет с необходимостью отнести интеллектуалов к ключевым элементам своего субъектного состава.

Специфика профессиональной деятельности интеллектуалов и условия ее организации (к примеру, работа в академических институтах или экспертно-аналитических центрах) определяет то, что, как правило, адресом разрабатываемых ими проектов выступают институты власти и бизнеса, а отнюдь не гражданского общества.

Таким образом, «гражданский этос, как форма самосознания, характеризует далеко не всех представителей сообщества интеллектуалов. С одной стороны, выказывание интеллектуалом симпатии программе того или иного социального движения еще не служит достаточным основанием его участия в гражданских практиках. И, наоборот, в случае участия его мотивами могут выступать, к примеру, удовлетворение материальных потребностей, приобретение новых статусов, конкуренция в профессиональной среде и т.д.» [23, С. 101]. В этой связи очевидна необходимость в осуществлении теоретической реконструкции основных моделей участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации.

Горизонт теоретических позиций в современной социальной мысли по проблеме участия интеллектуалов в гражданских движениях составляет ряд моделей, в основании которых лежит акцентуализация той или иной социальной функции интеллектуалов.

Интеллектуалы – субъекты гражданской ответственности. Ранее мы отмечали, что разработка теоретической модели интеллектуала как субъекта гражданской ответственности – характерная черта французского дискурса об

интеллектуалах. Так, Ж. Деррида выводит обоснование ответственности интеллектуалов из объективных условий их профессиональной деятельности. Философ отмечает, что в современном обществе сложно отделить работу в той или иной гуманитарной дисциплине от «размышлений о политических и институциональных условиях этой работы» [183, С. 108]. Именно поэтому работа интеллектуала чаще всего предполагает политическую вовлеченность. Подобной позиции также придерживались публицист П. Низан [37, С. 46–47] и философ М. Фуко [167].

Следуя в том же теоретическом русле, П. Бурдьё считал обязанностью интеллектуалов быть адекватным коллективным сознанием нации и активно выражать свою политическую позицию в публичном пространстве. По его мнению, миссия интеллектуала заключается в гуманитарной экспертизе социально-экономических и политических процессов. Бурдьё также утверждал, что в современном обществе крайне необходимо, чтобы отдельные интеллектуалы активно включались в деятельность гражданских движений. Так, по его мнению, они смогут заниматься «коллективным изобретением коллективных структур изобретения, которые породят новое социальное движение, то есть новое содержание, новые цели и новые международные методы действия» [17].

На обязанность интеллектуалов нести ответственность перед народом указывал и немецкий социолог Р. Дарендорф: «общества, где они немые, лишены будущего. Долг интеллектуалов – отчетливо выражать [существующие точки зрения] и таким образом обращаться к тем, кто несет на себе тяготы и невзгоды реальной жизни» [50].

Особое значение проблема гражданской ответственности имеет для интеллектуалов, чьим полем деятельности является социальная теория. Ю.М. Резник отмечал, что таких интеллектуалов, как правило, отличает особый менталитет, высокий профессионализм, социальная ответственность и развитое социологическое воображение [118, С. 67]. Однако внутри сообщества интеллектуалов, занимающихся проблемами социальной теории, по его

мнению, существует размежевание относительно типа групповой культуры – корпоративной или гражданской. И если интеллектуалов-носителей корпоративной культуры отличает ориентация на условия профессиональной деятельности и удовлетворение интересов клиентов (бюрократических организаций и бизнес-структур), то характеристикой носителей альтернативной культуры является направленность на включение сообщества интеллектуалов в гражданское общество [118, С. 72–73]. Именно в рамках гражданской культуры происходит формирование социального самосознания и социокультурной идентичности интеллектуалов как субъектов гражданского общества – *гражданского этоса*, в котором соединяются идейное содержание теоретической деятельности ученого и практическое участие в делах общества, основанное на чувстве гражданского долга и ответственности.

Интеллектуалы – революционеры. Модель интеллектуального авангарда, обеспечивающего идеологию и руководство революционным классом, получает подробную интерпретацию в работах В.И. Ленина [85]. Именно представители интеллектуального авангарда привносят в сознание революционного класса идеи о радикальной трансформации существующих общественных отношений.

М. Уолцер отмечал, что авангардизм является социально-психологической установкой для интеллектуалов, «каким-то образом вышедших из-под ограничений старого порядка или освободивших от него себя самостоятельно. Эти-то люди, обычно молодые, и отвечают на распад своего мира посредством его отвержения. Они отбрасывают общепринятые образы существования, традиционные семьи и формы занятости; они выбирают маргинальность; они выносят преследования; они предпочитают изгнание» [151, С. 98].

При анализе американского социально-теоретического дискурса об интеллектуалах мы уже отмечали качества, которые приписывают интеллектуалам-революционерам К. Бринтон и С. Хантингтон. Это смещение лояльности, которое состоит в ориентации интеллектуалов на поддержку группового недовольства и мобилизацию революционных масс [108]. Однако

история показывает, что интеллектуалы с необходимостью не играют ведущей роли в коренных общественных изменениях, что ведет к определению их статуса как «попутчиков» революции.

Интеллектуалы – выразители интересов определенных социальных групп. В основе этой модели лежит концепция «органических интеллектуалов» А. Грамши. Если «интеллектуала-революционера» мы характеризовали как носители особого сознания, имеющего значимые отличия от сознания народных масс, то «органические интеллектуалы» скорее являются выразителями идей, возникших в представлении какого-либо социального движения или класса.

Отметим, что «в работах Грамши для объяснения потенциала стабилизации и развития, которым обладает поздний капитализм в странах Запада, а также для поиска стратегии революционного ниспровержения власти капитала в развитых капиталистических странах, решающее значение имела проблема интеллектуальной и культурной гегемонии, проводниками которой выступают отдельные группы интеллектуалов. Для завоевания политической власти рабочему классу в этих странах необходимо было подорвать гегемонию правящего буржуазного класса, прежде всего в области культуры и идеологии» [53]. Любая социальная группа, стремящаяся к занятию господствующего положения в обществе, по Грамши, с необходимостью стремится к тому, чтобы «выйти в своем развитии за пределы экономико-корпоративной фазы, чтобы подняться на ступень этико-политической гегемонии в гражданском обществе и стать господствующей в государстве» [44, С. 148]. Решающая роль в процессе завоевания гегемонии отведена интеллектуалам, так как именно они обеспечивают установление надежной связи «между базисной социально-экономической структурой, являющейся основой социального господства класса, и надстроечными идеологическими и культурными институтами и явлениями» [53].

Особую роль органические интеллектуалы играют в развитии движения рабочего класса. Отправной точкой анализа связи интеллектуалов с рабочим

движением, проведенного Грамши, является концепция революционного авангарда В.И. Ленина. Успех миссии социального освобождения с необходимостью определяется способностью рабочего класса, как ключевой движущей силы социальных изменений, выдвинуть из своих рядов своих «органических интеллектуалов».

Очевидно, что таким интеллектуалам нужно обладать не только теоретическими знаниями. Принципиально важно, чтобы интеллектуалы принимали активное участие в процессах установления интеллектуальной и моральной гегемонии восходящей социальной силы. По мнению Грамши, «характерный представитель органической интеллигенции рабочего класса – это технический специалист, который одновременно является профсоюзным или партийным активистом» [53].

Органический интеллектуал должен принимать активное участие в общественной жизни: «деятельность нового интеллигента не может уже сводиться к ораторству, внешнему и кратковременному возбудителю чувств и страстей, но должна заключаться в активном слиянии с практической жизнью в качестве строителя, организатора, «непрерывно убеждающего делом, а не только ораторствующего» [44, С. 344].

Только таким образом возможна победа в «позиционной войне» – захват рабочим классом гражданского общества путем культурной борьбы, в которой новый мир постепенно сменяет старый.

Интеллектуалы – организаторы. По мнению последователя А. Грамши итальянского теоретика Н. Боббио, основной задачей интеллектуала является обеспечение социальных движений организационным ресурсом [11]. Для Боббио роль интеллектуала в обществе (первичная политическая задача интеллектуала) раскрывается на фоне дискуссии по поводу отношений между политикой и культурой. Ставя проблему специфики взаимодействия интеллектуалов и партий, Боббио считал необходимым и самим интеллектуалам вступать в организации, сообразно их политическим

убеждениям, тем самым реализуя принципы общественного бытия и развития, которые они отстаивают.

Интеллектуалы – критики и стратеги. Особое пристрастие интеллектуалов к социальной критике в разное время отмечали Й. Шумпетер [186], Р. Арон [2, С. 186], Ю. Хабермас [168] и другие. К схожим выводам, а также утверждению роли интеллектуалов как разработчиков программ общественного развития, пришли и многие российские исследователям, в числе которых Л. Шевцова [115], В. Мартьянов [92, С. 87], О. Яницкий [192], Ю. Резник [118] и другие.

Политическое осуждение, моральное обвинение, скептическое вопрошание, сатирический комментарий, гневное пророчество, утопические спекуляции – такие формы выражения идей и социальной позиции, используемые интеллектуалами, обозначает американский философ М. Уолцер [152, С. 28]. Подчеркивая, что социальная критика существует многие века и даже тысячелетия, Уолцер, тем не менее, отмечает, что если в традиционных обществах интеллектуалы-критики «неизменно должны были смотреть вверх» [152, С. 49], т.е. на сильных мира сего, то в XX веке, в условиях массового общества, критики должны смотреть вокруг себя. Основным адресом интеллектуалов становится народ, и во взаимоотношениях с ним у интеллектуала имеются две альтернативные возможности. Первая возможность состоит в том, что народ выступает инструментом социальной критики. И здесь философская «негативность» критики, по мнению Уолцера, создает русло, в котором движется бунтующий дух угнетенных, и направляет его. Вторая возможность предполагает погружение интеллектуала в гражданские практики: он возбуждает, обучает, советует, оспаривает, протестует, и все это – изнутри. Именно таково видение места и характера деятельности современного социального критика, по Уолцеру. Поэтому в «почтенную компанию социальных критиков» попадают А. Грамши, А. Камю, Г. Маркузе, М. Фуко и другие интеллектуалы, принимавшие участие в гражданских движениях.

Публичный интеллектual. Фигура публичного интеллектuala является предметом пристального внимания американских исследователей. «Само понятие появляется в Америке в XX веке и в своем значении восходит к используемому в XIX веке во Франции определению «ангажированный интеллектual», которое описывало интеллектualов, критиковавших политику государства и оправдывавших реакцию на действия властей со стороны гражданского общества» [23, С. 100]. Акцент на политическое содержание проблематизировал положение тех представителей академического сообщества, которые занимались разработкой исключительно философских идей.

Свое распространение термин «публичный интеллектual» получает благодаря эссе Ч. Райт Миллса «Социальная роль интеллектuala», в котором Миллс, отталкиваясь от прагматических воззрений Д. Дьюи, обращает внимание на популярность проектов либеральных и левых интеллектualов [197, С. 33]. В более позднем произведении «Знание и власть» Миллс определяет публичного интеллектuala в качестве носителя «морального сознания общества» [217, С. 257]. И все же в широкий оборот это понятие включается в конце 1970-х – 1980-е гг. в связи с дебатами о «культурных войнах» в среде журналистов и социальных критиков.

В книге «Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века» [128] Ричард Рорти задается вопросом, как левые могут участвовать в решении проблем, беспокоящих современное американское общество. По его мнению, в 1960-х годах рушится просуществовавший долгие годы альянс между интеллектualами и профсоюзами, американские левые допустили вытеснение реальной политики ее культурным суррогатом и сотрудничали с оппонентами из правого фланга в области переноса в центр публичных дебатов вопросов культуры: «Они расходуют энергию, которая должна была бы быть посвящена предложению новых законов, на обсуждение тем, далеких от нужд страны. У академических левых нет никаких проектов, которые они могли бы предложить Америке, никакого видения страны, которую следовало бы обретать, формируя консенсус о необходимости реформы» [128, С. 23].

По мнению Рорти, ответ заключается в следовании модели существования политически активных интеллектуалов прошлого. Он приводит два примера – философ-прагматист Джон Дьюи и поэт Уолт Уитмен, которые утверждали, что углубление национального демократического консенсуса требует интеллектуального труда и тяжелой политической работы. «Дьюи и Уитмен хотели, чтобы американцы гордились скорее тем, что Америка сама, в меру своих возможностей могла бы сделать из себя, чем подчинением Америки какому-либо авторитету – пусть даже авторитету бога. Уитмен надеялся, что ту энергию, которую общества прошлого тратили на выяснение желаний бога, американцы будут расходовать на выяснение желаний друг друга. Они будут внимательны к другим американцам, а не к тому, что утверждает над Америкой авторитет» [128, С. 25]. Рорти разделяет «антиметафизическое утверждение о том, что нет никакой инстанции, к которой можно было бы апеллировать выше, чем демократический консенсус» [51], высказанное Дьюи. Поэтому одним из итогов рассуждения философа о роли интеллектуалов в современном американском обществе является прогноз о возможности объединения интеллектуалов и профсоюзов в целях достижения социального прогресса.

Другой американский исследователь, Ричард Познер считает необходимым не только дать определение публичным интеллектуалам, но и описать различные формы и направления общественно-интеллектуальной работы, среди которых он выделяет следующие:

- самопопуляризация;
- политическое прогнозирование;
- комментаторство в режиме реального времени;
- обучающее комментаторство;
- общая социальная критика;
- специальная социальная критика;
- участие в разработке социальных реформ;
- политизированная литературная критика;
- политическая сатира;

– экспертные оценки [223].

Все эти роли формируют разнообразные возможности для интеграции интеллектуалов в социальные практики.

Кроме того, развитие средств массовой информации и сети Интернет приводит к появлению в среде публичных интеллектуалов так называемых «интеллектуалов-знаменитостей» (*celebrity intellectuals*). Яркими представителями этого типа, к примеру, являются лингвист Ноам Хомский, физик-теоретик Стивен Хокинг или философ Славой Жижек.

Американский социолог Л. Козер, работавший над изучением феномена «интеллектуалов-знаменитостей», чьи проекты, по его мнению, «адресованы полуобразованной общественной массе, не претендующей на экспертное знание или тонкий вкус, и не являющейся приверженцем распространенных культурных стандартов» [199, С. 227], обозначает и основные причины их возникновения в годы после Второй мировой войны. Во-первых, это появление беспрецедентно большого среднего класса, состоящего из граждан, получивших образование в колледжах. Именно эта группа участвовала в формировании рынка новых и относительно сложных культурных товаров. Во-вторых, увеличение количества масс-медиа, ориентированных на самую широкую аудиторию и привлечение публичных интеллектуалов, предлагающих свои проекты-товары на рынке культурных ценностей, исходя из потребностей аудитории СМИ [199, С. 228].

Основное внимание Козер уделяет интеллектуалам-знаменитостям, взаимодействующим с массовой публикой. В условиях распространения СМИ проекты интеллектуалов обращены к неоднородной аудитории, состоящей из индивидов, которые оценивают авторов идей преимущественно по внешним критериям. По мнению Козера, такое положение дел, с одной стороны, давало возможность проявить себя тем интеллектуалам, которые смогли освободиться из-под контроля стандартов, установленных уже сформированными культурными кругами и воплощенными в образе авторитетных ученых, так называемых, судей с особым статусом. С другой стороны, неоднородная

аудитория, к которой обращались интеллектуалы, была ориентирована на восприятие исключительно новой информации и известных лиц. Страдая от скуки и ежедневной рутины, она стала высоко ценить культурных производителей, заинтересованных в поиске новых стимулов для оживления внимания пресытившейся публики. Интеллектуалы, воплощающие «выдающуюся новизну» стали, по словам Козера, «болеутоляющим или же средством снятия напряжения» [199, С. 231].

Ведя популярные блоги, «интеллектуалы-знаменитости вынуждены действовать по законам рынка интеллектуального производства – то есть предлагать идеи, которые имеют значение не сами по себе, вне какого-либо времени или локальности, но которые интересны их подписчикам или членам виртуальных сообществ. И как следствие, становятся в большей степени знаменитостями, чем интеллектуалами. В социальных сетях культурный капитал распределен по пространству внимания, и наиболее ценен тот, который может быть успешно использован в следующем раунде конкурентной борьбы за внимание» [20].

Законы масс-медиа оказывают значительное влияние на публичного интеллектуала. Так, интеллектуалы-знаменитости не обращаются к своей публике напрямую, их проекты передаются посредством телекомментаторов, ток-шоу и т.д. Кроме того, сами СМИ находятся в зависимости от культурной среды и всегда в погоне за сенсациями. Поэтому время, в течение которого интеллектуал может находиться в центре внимания, очень коротко. Чтобы сохранить конкурентоспособность на рынке идей, интеллектуал-знаменитость вынужден меняться в угоду потребителям. А его проекты всегда под угрозой устаревания. Козер считает, что в случае конфликта между интеллектуалом и его аудиторией, именно интеллектуал оказывается объектом осуждения [199, С. 233]. Не сумев в очередной раз удовлетворить публичные пристрастия, он обречен на забвение.

В этой связи модель «публичного интеллектуала», включенного в гражданские практики, является наиболее уязвимой в теоретическом плане в

силу ориентации не на разрешение реальных общественных проблем, а на обсуждение «горячих» тем. «Тем не менее, «сетевой» авторитет профессиональных производителей идей, несомненно, является одной из форм социального капитала, спрос на который возрастает в периоды спада общественного доверия политической элите и институтам власти. В условиях социально-политической нестабильности авторский блог или пользовательский профиль интеллектуала становится площадкой непосредственного взаимодействия профессиональных производителей идей и субъектов гражданской активности» [20].

Интеллектуал-фабианец и интеллектуал-фрилансер. По мнению американского социолога И. Хоува, «для интеллектуалов, жаждущих совмещать серьезную социальную критику с защитой демократических институтов, есть два основных направления деятельности – путь «фабианца» (социал-демократический) и путь «фрилансера» (анархистский). На практике действует смешанная модель, но выделение идеальных типов открывает значительные возможности для анализа явления. Фабианец всецело отдается участию в движении за социальные реформы, посредством чего он чувствует, что служит обществу в качестве исторического наставника. Он организует свою деятельность рационально, с уважением к историческим ценностям, придавая этой деятельности идеологическое значение. Такой интеллектуал может стать лидером движения, но в этом случае он более не принимает участие в поиске истины, но вынужден писать пропагандистские прокламации, которые рано или поздно наполняются ложным содержанием. Если фабианец достаточно умен, а его партия достаточно либеральна, чтобы предоставить ему свободу жизненного пространства, то он может выполнять двойственную функцию, что означает необходимость быть одновременно и политическим актором, и сохранять дистанцию по отношению к своему движению. В отличие от фабианца, интеллектуал-анархист считает всякое политическое участие ниже своего достоинства. Такого рода активность препятствует его самовыражению, принуждает его брать на себя роль, для которой он недостаточно эрудирован и,

более того, толкает на то, чтобы стать жалким, впад в зависимость от власти. Фрилансер предлагает только один продукт – критику. Он заботится не о власти, но о влиянии, и даже менее о влиянии в социуме, чем в сообществе таких же интеллектуалов [205, С. 78–79]. Хоув приходит к выводу о том, что оба типа интеллектуалов находятся в диалектической зависимости. Фабианец сталкивается с риском пагубного приспособления под условия социальной среды, соблазном действовать хитростью и вводить в заблуждение сторонников. В свою очередь анархист чересчур правдив и изолирован от влияния общества [205, С. 80]. Таким образом, когда платформа фабианца начинает занимать лидирующие позиции, тогда и возникает потребность во фрилансере как критике, и наоборот, когда очевидно, что идеи интеллектуала-анархиста неоспоримы, тогда тот нуждается в прагматических навыках фабианца для их продвижения» [23].

Подводя итог, отметим, что общей чертой изложенных моделей участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации является их умозрительный характер и представление о должном или желательном поведении интеллектуалов, которое часто расходится с реальной практикой.

Кроме того, всем этим моделям может быть противопоставлен аргумент необходимости автономии для успешного интеллектуального творчества и создания идей, представляющих ценность вне какого-либо социального контекста. Ведь именно «потворствование политическим страстям», по мнению французского публициста Ж. Бенда, составляет сущность предательства интеллектуалами высших ценностей и идеалов [10, С. 112].

Как уже было отмечено, гражданская активность не является сущностной характеристикой интеллектуалов. Однако, хотя они и заняты преимущественно духовно-интеллектуальной деятельностью, тем не менее, погружены в реальную жизнь, которая дает им пищу для размышлений и предоставляет поле деятельности. Опыт многих столетий доказывает не только наличие в сообществе интеллектуалов потребности в интерпретации механизмов социальной динамики, но оказание на нее влияния, в том числе посредством

участия в организации социальных инициатив и деятельности общественных движений. В целях выявления реальных условий, причин и мотивов сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов необходимо ввести в исследование сравнительное измерение – произвести анализ участия интеллектуалов в различных формы низовой самоорганизации в типологически сходных случаях, имевших место в новейшей истории.

2.2 Обоснование подхода к анализу взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов

Ранее в исследовании было показано преимущество прагматического подхода к определению интеллектуалов, а также обоснована необходимость осуществления теоретического синтеза подходов к определению условий успеха низовой самоорганизации и роли профессиональных производителей идей в данном процессе. Для решения данной задачи предложена методика систематического сравнения случаев интеграции интеллектуалов в деятельность субъектов гражданской активности, в рамках которой даны определение и критерии успеха взаимодействия, а также определены факторы, сопутствующие эффективному сотрудничеству.

Очевидно, что проблема участия интеллектуалов в процессах гражданской самоорганизации носит не локальный характер, и в более широком социально-философском контексте является отражением диалектической связи субъективного и объективного в социальной динамике.

В контексте настоящего исследования объективной стороной интеграции интеллектуалов выступает комплекс экономических, политических, а также культурно-исторических процессов в общественном развитии государств, в которых имеют место обозначенные случаи сотрудничества с гражданскими активистами.

В свою очередь, взятый за основу прагматический подход к определению интеллектуалов позволяет отказаться от объяснения успеха сотрудничества

интеллектуалов и гражданских активистов личностными качествами субъектов взаимодействия – харизмой, или ригоризмом, присущим самосознанию интеллектуалов. В этой связи к субъективным факторам отнесены микросоциальные основания общения, определяющие характер ситуации и коммуникативные особенности взаимодействия, установки и мотивы его участников.

Такая теоретическая позиция в дальнейшем позволит сформулировать выводы о направлениях и мере действительного воздействия интеллектуалов на развитие практик низовой самоорганизации граждан в странах вне зависимости от типа их социально-политического развития и культурного своеобразия.

Методологическую основу исследования составляют положения теоретико-исторического подхода Н.С. Розова [123–125], а также конфликтной теории коалиций Р. Вутноу [236] и социологии общественных движений [214], позволяющие дать объективную оценку явлению сотрудничества профессиональных производителей идей и гражданских активистов.

Процедура анализа явления сотрудничества в настоящем исследовании имеет следующую последовательность:

1. Предметизация – фиксация объясняемых переменных и класса явлений-следствий (экспланандумов).
2. Исходная теоретизация – формирование и операционализация переменных-экспланансов.
3. Логико-эвристический анализ случаев, позволяющий выявить наиболее релевантные переменные-экспланансы.
4. Содержательный анализ – выбор и детальное исследование отдельных случаев.
5. Преодоление аномалий – экспланансов, противоречащих первоначальной гипотезе исследования.
6. Завершающая теоретизация и прагматизация.

Исходным уровнем анализа в настоящем исследовании выступает *микроисторический* уровень. Именно здесь открывается возможность

проследить столкновения индивидов и групп с социальными структурами и процессами. Результаты анализа единичных объектов – случаев сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов – позволят выявить причинные факторы, приводящие к общим следствиям, и в дальнейшем произвести экстраполяцию признаков на явления, относящиеся к более высокому уровню историко-теоретического анализа – *интрасистемному* или *межсоциетальному*,

Прежде всего, дадим необходимые пояснения к структуре исходных данных. «Роль интеллектуалов в процессах гражданской самоорганизации следует рассматривать в качестве переменной (формирование и распад значимой взаимной связи между субъектами гражданской активности и интеллектуалами), значения которой определяются результатом взаимодействия. Единицами анализа в настоящей работе выступают случаи сотрудничества интеллектуалов и активистов общественных движений в государствах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Эквадоре, Мексике), Восточной Европы и России во второй половине XX века» [19].

Критерии отбора единиц анализа исследования.

Выбор случаев определен, во-первых, наличием черт сходства в динамике социально-политического развития. В обозначенный период эти страны имели опыт установления и распада недемократических режимов, социальных потрясений, сопровождавшийся развитием практик низовой самоорганизации граждан (возникновением проблемных политических и общественных движений, гражданских инициатив и народных фронтов).

Во-вторых, общими свойствами обладают структура и механизмы трансформации элементов культуры обществ в исследуемых странах. В социокультурном плане государства объединяет внутренняя борьба между двумя взглядами на мир и место человека в этом мире – индивидуалистическим, антропоцентричным, ставящим в центр человека, личность, и социоцентричным, общинным, ставящим во главу угла общество и государство; борьба между стремлением к инновации и приверженностью традиции [39; 29–35].

Для достижения поставленных нами исследовательских задач случаи распределены на группы в зависимости от результата сотрудничества. В основе распределения – классификация, представленная в уже рассмотренной нами классической работе американского социолога У. Гэмсона «Стратегия социального протеста». Еще раз отметим, что данная методика служит определению основных критериев успешности общественного движения, таких как: достижение целей самоорганизации; формальное признание организации как представителя интересов определенной группы граждан со стороны властей и оппонентов. Для достижения цели диссертационного исследования формулировка критериев результативности была скорректирована с учетом выполнения условия реализации гражданскими активистами и интеллектуалами совместных проектов. Таким образом, комбинация критериев задает следующую систему координат успеха сотрудничества (рисунок 1):

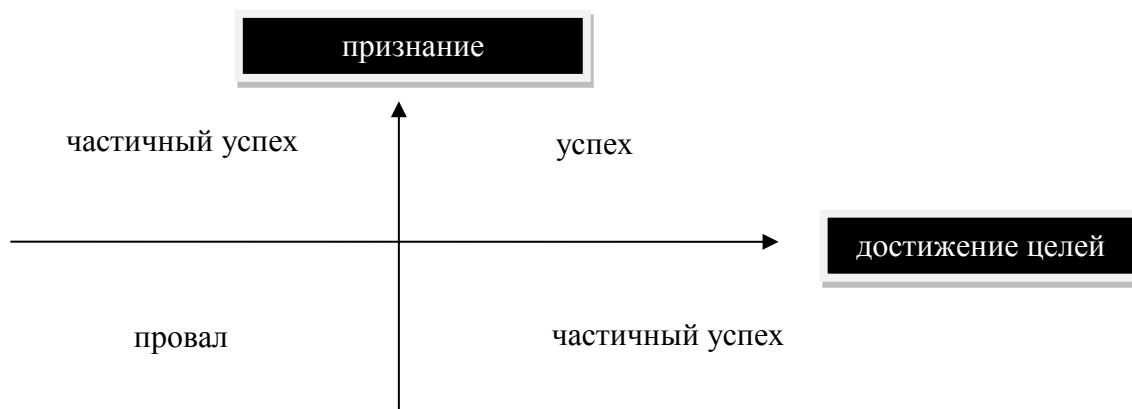

Рисунок 1 – Методика распределения случаев сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов

Успех интеграции характеризуется достижением совместных целей – внедрением проектов интеллектуалов, признанием (легитимацией) и достижением целей общественных движений.

Частичный успех определяется неполнотой внедрения проектов интеллектуалов, общественным признанием социальной инициативы или

движения без достижения основных целей или достижением целей, но отсутствием признания.

Провал интеграции означает, что цели и признание не достигнуты, проекты, разработанные интеллектуалами, не реализованы.

Таким образом, к случаям *успеха* (положительные случаи) относятся примеры участия интеллектуалов в деятельности следующих социальных движений и гражданских инициатив:

1) **Сапатистская армия национального освобождения** (Мексика, начало 1990-х гг. – наст. время).

Ядро Сапатистской армии национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional – EZLN), взявшей в качестве названия имя легендарного крестьянского вождя эпохи Мексиканской революции 1910–1917 гг. Э. Сапаты, составила индо-метистская интеллигенция во главе с субкоманданте Маркосом (философ Р. Гиллен), являющимся и сегодня одним из ведущих лидеров всемирного альтерглобалистского движения. Причинами возникновения движения сапатистов стали: голод, проблемы с получением образования и приобретением жилья, отсутствие достойных условий труда, доступного здравоохранения, а также невозможность свободно выражать свою гражданскую позицию. Кроме того, индейские общины испытывали постоянное иностранное вмешательство в решение национальных вопросов [141]. Благодаря организационной деятельности интеллектуалов коренному населению удалось мобилизовать социальную и материальную базу движения, реализовать акции вооруженного сопротивления, в последствии сменившиеся мирной гражданской мобилизацией.

2) **Движение безземельных крестьян** (Бразилия, середина 1970-х – 1990-е гг.).

Движение безземельных крестьян (Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra – MST) возникло из массовой борьбы гражданского населения Бразилии против военной диктатуры генерала Гейзеля в конце 1970-х годов. В создании движения и артикуляции его требований значительную роль играли

интеллектуалы – представители прогрессивных слоев католической церкви. Наиболее значимым результатом сотрудничества интеллектуалов с участниками Движения безземельных крестьян стала организация бедных слоев населения в сельской местности.

3) **Протесты против строительства ГЭС** (Бразилия, 1970-е гг.).

В 1970-е гг. на реке Паранав Бразилии началось строительство ГЭС «Итайпу», в последствии ставшей самой большой в мире. Активное участие в протестных экологических акциях вновь приняли бразильские интеллектуалы-католики.

4) **Бразильское демократическое движение** (Бразилия, 1979 г.).

С конца 1970-х годов Бразильское демократическое движение объединяло оппозиционные режиму гражданские силы (большую часть членов распущенных к тому времени социал-демократической и рабочей партий). Интеллектуалы принимали активное участие в деятельности движения. А автором его манифеста стал социальный теоретик, экономист и философ Роберто Мангабейра Унгер.

5) **Движение безработных рабочих** (Аргентина, середина 1990-х гг.).

Если в первой половине 1990-х годов Аргентина была страной, положение которой характеризовали не иначе, как «экономическое чудо», то с 1996 года начинается серьезный экономический спад. Т. Ворожейкина отмечает, что «после мексиканского (1995), восточно-азиатского (1997) и особенно российского (1998) кризисов бегство капиталов с аргентинского рынка приобрело необратимый характер» [78]. А уровень открытой безработицы в стране превысил порог в 17%. В условиях все нараставшего политического и экономического кризисов в Аргентине возникают различные формы низовой самоорганизации граждан, наиболее заметными из которых являлись «пикетчики» («*piqueteros*») – объединения безработных и бедняков, которые организовывали марши протеста и перегораживали крупнейшие магистрали Буэнос-Айреса. Сотрудничавшие с движением безработных интеллектуалы в течение нескольких месяцев смогли выводить на улицы

тысячи людей, при этом участники движения действовали координированно и солидарно.

б) Синдикат рабочей бедноты (Эквадор, 1926-1944 гг.).

С 1926 г. лидер коренного народа Эквадора Хесус Гуалависи, представляющий Синдикат крестьянских рабочих Каямбе (Sindicato de Trabajadores Campesinos de Cayambe), отправился в столицу в целях принять участие в качестве делегата в учредительном собрании Эквадорской социалистической партии (Partido Socialista Ecuatoriano), создание которой смогло бы обеспечивать представительство интересов индейского населения перед крупнейшими землевладельцами. Эта поездка стала началом многолетнего сотрудничества между Гуалависи и эквадорским интеллектуалом Рикардо Паредесом, которое достигло наибольшего успеха в 1944 году, когда они вместе основали первую в Эквадоре организацию по защите прав коренных народов (Эквадорская федерация индейцев). Примечательно, что эта федерация была первой партией в Эквадоре, которая агрегировала коренные народы в качестве политической силы.

7) Клуб друзей перестройки и Народный фронт Эстонии (Эстония, 1987 г.); Народный фронт (Латвия, 1988 г.); Саюдис (Литва, 1988 г.).

Интеллектуалы стран Балтии принимали самое активное участие в создании народных фронтов в поддержку перестройки. В 1989 году более миллиона человек, жителей Эстонии, Латвии и Литвы, взявшись за руки, образовали цепь протяженностью почти 700 километров от Таллинна до Вильнюса. Этой акцией, получившей название «Балтийская цепь» граждане этих стран стремились показать миру свое желание обрести собственную государственность вне Советского союза. А историк и философ Эдгар Сависаар, возглавивший Народный Фронт Эстонии, стал одним из авторов IME – хозрасчетной программы страны.

Провал интеграции (отрицательные случаи) очевиден в результате включения профессиональных производителей идей в такие гражданские инициативы, как:

1) **Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся** (СССР, 1978 г.)

Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) было образовано группой советских диссидентов в октябре 1978 года. В его состав вошли инженер Л. Агапова, электрик В. Борисов, рабочий Л. Волохонский, инженер А. Иванченко, географ Е. Николаев, библиотекарь В. Новодворская, геолог В. Сквирский, и исключенная из института студентка А. Якорева. Свою задачу члены СМОТ видели в отстаивании прав трудящихся, ущемляемых советской системой. Однако участие в объединении очень быстро привело его членов к потере работы и даже тюремному заключению за антисоветскую агитацию и пропаганду и клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй. Таким образом, деятельность СМОТ была оперативно прервана органами КГБ Советского союза.

2) **Протесты ученых** (СССР, 1950-е гг.)

Ярким примером самоорганизации в советской академической среде 1950-х гг. стало так называемое «Письмо трёхсот», направленное против лысенковщины. Всего под письмом подписалось 297 человек, в числе которых были представители разных дисциплин – физики, механики, математики, химии, геологии, медицины и биологии, экономических, гуманитарных и сельскохозяйственных наук. Результатом письма, вызвавшего негодование Н.С. Хрущева, сначала было снятие Т.Д. Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ. Но в дальнейшем наступил так называемый «откат»: Т.Д. Лысенко был восстановлен в должности, а авторов письма ученых-биологов в декабре 1958 г. выгнали из редколлегии «Ботанического журнала».

3) **Институт международного рабочего движения** (СССР, 1960-е гг.)

Основной проблематикой деятельности ИМРД были социально-экономические условия жизни трудящихся; стратегия и тактика рабочего движения, проблемы пролетарского интернационализма и борьбы за единство трудящихся против империализма. Институт поддерживал регулярные связи с

зарубежными научными центрами. Издавал журнал «Рабочий класс и современный мир», а также научно-справочный ежегодник «Международное рабочее движение». В 1960–1970-е гг. в его работе принимали участие видные советские ученые: философ М.К. Мамардашвили, искусствовед и театральный критик В. Вульф, философ Э. Соловьев, историк философии П.П. Гайденко и другие. Несмотря на антирежимные настроения, диссидентские инициативы ИМРД не находили реального воплощения.

4) **Демократическое движение** (Россия, 1992-1994 гг.).

В данный период в исследовании рассмотрен провал деятельности «команды Гайдара».

К числу единиц анализа, характеризующихся *частичным успехом* (нейтральные случаи), относятся случаи сотрудничества интеллектуалов с такими движениями, как:

1) **Движения КОС/КОР и «Солидарность»** (Польша, конец 1970-х – 1980-е гг.)

Объектом анализа в настоящей работе является деятельность возникшего в 1978 г. в Польше интеллектуального дискуссионного клуба «Опыт и будущее», участие в котором принимали более 60-ти профессоров и доцентов [15]. Работа клуба была направлена на проведение опросов общественного мнения, организацию дискуссий и подготовку аналитических докладов о социально-политическом и экономическом состоянии Польши. Деятельность ряда членов этого интеллектуального сообщества была связана и с практиками гражданских движений КОС/КОР и «Солидарность», однако взаимодействия носили эпизодический характер. Во второй половине 1980-х гг. инициативы клуба «Опыт и будущее» были полностью перехвачены «Солидарностью», и необходимость в ее существовании фактически отпала.

2) **Экологическое движение** (СССР, 1970-е гг.)

Здесь основное внимание уделено сотрудничеству интеллектуалов с возникшим еще в начале 1960-х годов в Советском союзе движением дружин охраны природы (ДОП). По замечанию исследователей, в 1970-е гг. основными

мотивами гражданского экологического активизма были скорее самоидентификация и самореализация [194]. Данный кейс отнесен к группе нейтральных случаев, так как фактически интеллектуалы не обеспечивали мобилизации ресурсов (в этом не было необходимости в силу того, что источником ресурсов ДОП были университеты, учреждения науки, общественные организации и т.п.), а находились в определенной зависимости от государства.

3) Московская школа политических исследований (Россия, середина 1990-х гг.)

В конце 1980-х годов в обсуждении идеи создания Московской школы политических исследований принимал участие М.К. Мамардашвили, не доживший до ее открытия. С момента своего основания в 1992 году школа занималась исключительно гражданским просвещением – организацией дискуссионных площадок в подмосковном Голицыно, а также в столицах российских регионов по проблемам развития правосознания, гражданского общества и демократических институтов. Спикерами школы в исследуемый период являлись известные российские и зарубежные ученые и интеллектуалы (Александр Волошин, Михаил Задорнов, Сергей Караганов, Евгений Гонтмахер и другие), депутаты Европарламента, послы США и стран Европы. А в числе слушателей были региональные и муниципальные лидеры, депутаты, гражданские активисты, журналисты и предприниматели. Однако данный кейс целесообразно отнести в примерам частичного успеха, так как мероприятия школы, хотя и отличались регулярностью, но находились в полной зависимости от зарубежного финансирования, ввиду чего в иерархию мотивов участия в них интеллектуалов и гражданских активистов включался коммерческий интерес, а отнюдь не только потребность в ресурсах, альтернативных тем, которыми обладала политическая элита. Кроме того, не представляется возможным установить меру действительного воздействия интеллектуалов на практики конкретных движений и действия их активистов, как на уровне регионов, так и на национальном уровне.

4) Движение «Альтернативы» (Россия, с 1996 г. по настоящее время)

В центре внимания опыт интеллектуалов-неомарксистов (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, Л.А. Булавка и ряда других) по формированию общественного движения «Альтернативы» и основанию одноименного независимого левого журнала. Идея движения возникла из дискуссионного кружка и клуба независимых марксистских исследований, функционировавших в 1980-е годы в Московском государственном университете. Лидер движения экономист Александр Бузгалин принимал активное участие в создании Федерации социалистических общественных клубов, а в 1994 году выступил инициатором еще одного общественного движения – «Ученые за демократию и социализм». Активистами движения «Альтернативы» опубликован целый ряд научных и научно-популярных книг, организованы два Российский социальных форума (в 2005 и 2006 годах). Однако основная работа интеллектуалов здесь носит преимущественно научно-теоретический характер, что на фоне кризиса левых движений не позволяет оценить результаты как однозначно успешные.

5) Клуб социальных инициатив (СССР, 1986 г.)

Клуб социальных инициатив (КСИ) возник в Москве в начале 1986 года. С момента образования в него входили представители разных слоев позднего советского общества, а также в основном члены двух уже существовавших неформальных клубов «Наш Арбат» и «Компьютер». В последствии к деятельности КСИ присоединяются интеллектуалы Б. Кагарлицкий, П. Кудюкин, А. Фадин и Г. Павловский. И в августе 1987 г. клуб организует в Москве площадку для диалога различных неформальных объединений. Участниками этого мероприятия стали более 300 человек из 12-ти городов. Принято считать, что именно эта конференция в дальнейшем и положила начало движению «Мемориал». К концу 1987 года Клуб социальных инициатив включал в себя широкий спектр общественных объединений – от литературных кружков и фолк-рок команд до политических дискуссионных клубов. Тем не менее такой аморфный состав и разнонаправленность деятельности, ее неспециализированный характер, привели к скорейшему

распаду клуба. Уже в начале 1988, просуществовав чуть более года, КСИ становится фактически микрообъединением.

6) Диссидентское движение (СССР, 1960-е гг.)

Объектом анализа в настоящем исследовании выступает сотрудничество академика А.Д. Сахарова с диссидентским движением в Советском союзе с середины 1960-х по 1980-й годы – вплоть до ареста и ссылки Сахарова в Горький.

7) Московский методологический кружок (СССР, 1979-1993 гг.)

Рассмотрен опыт организации Московским методологическим кружком – философско-методологической и интеллектуально-практической школой под руководством Г.П. Щедровицкого – игротехнических проектов в различных городах Советского союза и России (Сухуми, Нижнем Новгороде, Перми, Екатеринбурге, Новосибирске и ряде других). Школой разработан оригинальный системомыследеятельностный подход к анализу явлений социально-ментальной динамики. Основным достижением лидера кружка Г.П. Щедровицкого считается создание принципиально новой социокультурной практики – организационно-деятельностных игр (ОДИ). Во второй половине 1980-х гг. кружок выступает организатором масштабных методологических съездов, и впоследствии из интеллектуального клуба превращается в межрегиональное методологическое движение. Однако ввиду того, что единство его участников скреплялось по преимуществу фигурой самого Г.П. Щедровицкого, после смерти последнего в феврале 1994 г. попытки самоорганизации движения приняли скорее академическую форму.

Следует отметить, что если случаи провала интеграции характеризуются значительным разрывом связей между интеллектуалами и гражданскими активистами (или разрывом связей внутри академического сообщества, выступавшего субъектом самоорганизации), то особенностью нейтральных случаев следует считать периодическое формирование триады гражданские активисты – интеллектуалы – власть. При этом постоянством позиции, как ни странно, отличались именно интеллектуалы.

Представленный перечень случаев сотрудничества, безусловно, не является исчерпывающим, однако позволяет выявить общие закономерности участия интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан в странах, удаленных друг от друга территориально и исторически, а также отличающихся культурным своеобразием» [19].

Анализ современного состояния развития исследования интеллектуалов и теории социальных движений, проведенный в предыдущих разделах, позволяет сформировать комплексы переменных-экспланансов, служащих определению причинных условий успеха взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов.

Таким образом, к условиям, значимым для успеха взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов отнесены:

1) особенности среды взаимодействия – структура социально-политических возможностей развития ситуации сотрудничества;

2) характеристики участников взаимодействия: уровень организационного потенциала субъектов гражданской активности; особенности социального положения интеллектуалов;

3) характеристики процесса взаимодействия: формирование каналов общения; содержание коммуникативных практик взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов.

Первые две группы условий целесообразно определить в качестве объективных, т.к. они служат установлению внешних факторов успеха сотрудничества и на момент фиксации явления сотрудничества представляются как исходно данные. Субъективные основания (и это будет показано далее) в контексте исследования характеризуют так называемые экзогенные (внутренние) аспекты взаимодействия.

Отметим, что задачей исследования является не определение приоритета объективного или субъективного для достижения успеха сотрудничества, а поиск модели взаимодействия, сочетающей обе группы условий, с

необходимостью воспроизводящей себя в обществах вне зависимости от типа их политического и социокультурного развития.

В результате операционализации указанных условий выделены группы переменных, а также определены основные показатели в категориях наличия/отсутствия и интенсивности проявления признака. Подробное рассмотрение комплекса объективных условий, сопутствующих успеху интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации, представлено далее.

2.3 Условия интеграции интеллектуалов в гражданские практики

Анализ объективных условий в случаях производился по следующему ряду переменных, показателями которых выступает наличие или отсутствие указанного признака, либо степень его выраженности.

Фактор А. Структура политических возможностей:

А 1 – наличие в политической системе механизмов объединения и согласования требований, выдвигаемых различными политическими акторами и социальными субъектами;

А 2 – стабильность расстановки политических сил государства;

А 3 – мера социальной нестабильности.

Фактор Б. Проблематизация социального положения интеллектуалов:

Б 1 – утрата интеллектуалами прежних социальных позиций;

Б 2. – отсутствие возможности личного продвижения интеллектуала;

Б 3 – стигматизация интеллектуалов со стороны правящей элиты.

Фактор В. Характер самоорганизации группы граждан или общественного движения:

В 1 – уровень внутренней организации инициативной группы граждан или движения;

В 2 – состав ресурсов субъектов гражданской самоорганизации;

В 3 – наличие поддержки движения в рамках политической системы и за ее пределами.

Далее приведем последовательный анализ работы указанных факторов.

Концепция *структуры политических возможностей* служит теоретическим обоснованием положения о том, что действия политических активистов зависят от наличия (или отсутствия) конкретных политических возможностей. Существуют различные точки зрения на набор ее компонентов, в числе которых чаще всего фигурируют раскол элит; степень открытости политической системы; динамика репрессий и политического плюрализма [216]. Наиболее широким определением структуры политических возможностей является совокупности внешних средовых факторов, оказывающих влияние на организационный потенциал общественных движений и интеллектуальных сообществ. Показатели, маркирующие Фактор А, были подобраны с учетом данной дефиниции.

Обстоятельством, которое обращает на себя внимание с самого начала анализа, является то, что фоном развития ситуации взаимодействия в исследуемых случаях, как правило, выступала неблагоприятная структура политических возможностей. В большинстве случаев (как провала, так и успеха сотрудничества) политическая система имела закрытый характер. К примеру, как отмечает Н.А. Баранов, политический режим в Советском союзе в исследуемый период обладал ярко выраженными чертами авторитаризма [7]. Тем не менее, возникновения протестных социальных движений оказалось возможным и в условиях закрытой политической системы. Так, например, в случаях в Латинской Америке, «среди условий развития самоорганизации следует указать, во-первых, политику авторитаризма, характеризующуюся игнорированием политических требований основной части населения. Так в случаях в Эквадоре и Мексике противостояния властей и участников движений часто сопровождалось вооруженным подавлением гражданского недовольства. Еще одной предпосылкой являлось усиление социально-экономической дифференциации, что было связано с неравномерным распределением

земельной собственности, подчиненным положением коренного населения. В-третьих, усиление внешнеполитической зависимости латиноамериканских государств от США во второй половине XX века проявилось в распространении снискавших поддержку режимов неолиберальных идей, обретении США статуса лидера американской экономической интеграции посредством заключения соглашения о создании ассоциации свободной торговли (НАФТА), и, как следствие, распространении сети ТНК в Южной Америке» [22, С. 148-149].

Важно и то, что в большинстве исследуемых случаев в государствах в явной форме отсутствует раскол элит. В ряде случаев успеха сотрудничества заметен конфликт среди группировок элит, например, в хрущевский период советской истории, или во время возникновения оппозиции Горбачеву, а затем Ельцину в СССР в 1980-90-е гг. [226] При несомненном наличии группировок в центрах принятия решений государств в исследуемых случаях, в целом все же очевидна стабильность расстановки политических сил (A2). Однако данное обстоятельство в случаях успеха и служило пусковым механизмом самоорганизации снизу.

В ходе проверки гипотезы о значении фактора интенсивности политической конкуренции в исследуемых случаях были использованы данные о значениях показателя конкуренции в структуре индекса демократизации Т. Ванханена (таблица 1).

Уровень конкуренции в модели Ванханена определяется по доле голосов, в совокупности полученных малыми партиями на парламентских или президентских выборах. Эта доля подсчитывается вычитанием процента голосов, полученных правительственной партией (блоком партий), из ста.

Отметим, что область применения индекса конкуренции ограничена случаями в Латинской Америке и России с начала 1990-х гг. – соответствующие измерения в СССР и его прибалтийских республиках в доперестроечный период просто не были произведены.

Таблица 1 – Уровень развития политической конкуренции в ряде исследуемых случаев¹

Случаи (пространственно-временные рамки события, субъекты гражданской активности)	Участники- интеллектуалы	Значение индикатора политической конкуренции
Случаи успеха		
Мексика, начало 1990-х гг. - наст. время – Сапатистская армия национального освобождения	Р. Гиллен	51,2
Бразилия, сер. 1970-х гг. – движение безземельных крестьян (MST), протесты против строительства ГЭС	Интеллектуалы-католики Д. Гомес, Д. Паскуалотто	40
Бразилия, 1979 г. – Бразильское демократическое движение	Р. Унгер	40
Аргентина, середина 1990-х – начало 2000-х гг. – Движение безработных трудящихся	А. Негри	52,6
Эквадор, 1926-1944 гг. - синдикат рабочей бедноты	Р. Паредес, Л. Чавес	6,8
Контрастные случаи		
Польша, конец 1970-х – 80-е гг. – движения КОС/КОР и «Солидарность»	С. Братковский, интеллектуалы группы «Опыт и будущее»	0,6
Россия, сер. 1990-х гг. – НКО «Московская школа политических исследований»	Е. Немировская, С. Алексащенко, Е. Гайдар и др.	61,5
Россия, 1996 г. – Движение «Альтернативы»	А. Бузгалин, В. Колганов, Л. Булавка и др.	61,5

В большинстве положительных случаев индикатор имеет значение 40 и более единиц (за исключением случая Эквадора 1926-1944гг.), что свидетельствует о среднем уровне конкуренции. Обращает на себя внимание, что относительно высокие значения индикатор конкуренции достигает и в случаях частичного успеха, вследствие чего является значимым, но не может носить достаточного характера для определения условий сотрудничества.

¹ Использованы данные, размещенные на портале Финского архива данных по социальным наукам. URL.: <http://www.fsd.uta.fi/en/data/catalogue/FSD1289/meF1289e.html>

Фоном для большинства случаев успеха интеграции выступают периоды ослабления репрессий и расширения гражданских свобод. К примеру, «либерализация политического режима в Бразилии с середины 1970-х гг., восстановление политических прав и прямых выборов губернаторов штатов, а также победа на президентских выборах 1985 г. кандидата от оппозиционной партии явилась фоном интеграции христианской католической интеллигенции и участников движений безземельных рабочих и против строительства ГЭС в Бразилии [227].

Внутренняя политика мексиканского президента К. Селиноса в конце 1980х – начале 1990х гг., поощрение частного капитала и развитие международных связей, а также последовавшее за избранием нового президента в 1994 г. принятие поправки к конституции, расширявшей возможности общественного контроля за ходом выборов позволили философу Рафаэлю Себастьяну Гильену Висенте (субкоманданте Маркос) и интеллектуалам «Группы Сан Анхел» открыто сотрудничать и выдвигать требования от имени сторонников сапатистского движения» [22; 46].

Проведенный анализ случаев сотрудничества показывает, что «успешное включение интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации оказывается возможным в условиях закрытой политической системы, отсутствия явной оппозиционности и среднем уровне политической конкуренции» [19]. Стоит отметить, что в рассматриваемых случаях успех интеграции определяется развитием внешней среды ситуации сотрудничества, адекватной эвристической моделью описания которой является концепция *патовой ситуации* взаимодействия конкурирующих социальных субъектов американского социолога Р. Вутноу. Проводя исследование механизмов культурной динамики и социальной структуры обществ в период так называемых трех великих революций эпохи модерна (Реформация, Просвещение и европейский социализм), Р. Вутноу указывал, «что в патовой ситуации, т.е. ситуации длительного равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств (например, между

государственными акторами и основными собственниками), открывается пространство для «третьей партии» культурных предпринимателей, которые в конечном итоге и выигрывают от борьбы» [19; 236]. К примеру, «в эпоху Реформации патовая ситуация возникла между аристократами-землеладельцами и городскими торговыми государственными структурами; в эпоху Просвещения – между центральной бюрократией и независимыми представительными органами, в которых доминировала аристократия, а в социалистических движениях XIX в. – между землевладельческими и буржуазными партиями. В исследуемых нами случаях полного и частичного успеха сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов ситуация пата также определяла характер взаимоотношений политической и экономической элит государств. В случаях в Аргентине, Бразилии, Мексике и Эквадоре политические лидеры укрепляли государственный сектор за счет опоры на экономические ресурсы крупных землевладельцев и промышленников, в свою очередь выказывавших лояльность режимам. В СССР, его прибалтийских республиках и Польше и вовсе произошло сращивание государственного и экономического секторов. Однако именно в данном контексте, при усилении тенденций стагнации и авторитаризма, происходит становление таких материальных основ культурного производства, которые дают пространство и «возможность дышать» интеллектуалам, то есть формирование площадок для выражения интеллектуалами идей по проблемным аспектам общественного развития и социального диалога с гражданскими активистами. Такими площадками в исследуемых случаях являлись собрания приходских общин в Бразилии, организованные христианскими активистами, на которых часто делили трибуну интеллектуалы и участники движений. В рамках «иной кампании» мексиканских сапатистов подобные встречи происходили непосредственно на территории индейских поселений [230]. В России и Польше в качестве диалоговых площадок выступали академические кружки, домашние семинары, а с середины 1990-х годов – школы гражданского образования и социальные форумы.

В исследуемых случаях объективные условия развития сотрудничества: патовая ситуация взаимодействия элит и формирование альтернативных основ культурного производства – являются необходимыми, но не достаточными факторами успеха интеграции интеллектуалов в гражданские практики» [19].

Важным условием интеграции в процессы гражданской самоорганизации служит *стабильность социального статуса интеллектуалов*. Следует отметить, что в большинстве как положительных, так и отрицательных случаев условия жизни и профессиональной деятельности интеллектуалов характеризовались локализацией в центре (Москва и Санкт-Петербург, Мехико и Варшава), тем не менее, их взаимодействие с субъектами гражданской активности происходило и на периферии. Так, например, российские интеллектуалы-игротехники работали в Сухуми, Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми и ряде других городов.

В большинстве случаев успеха в СССР взаимодействие с субъектами гражданской активности осуществляли интеллектуалы-одиночки. Они могли быть формально не причастными к какому-либо центру производства знаний, а также находиться в числе тех, кто подвергался критике со стороны института, членом которого являлся. Например, порицанию со стороны РПЦ неоднократно подвергался А. Мень. Участник семинаров Г.П. Щедровицкого Г. Копылов характеризовал организацию работы слушателей следующим образом: «У методологии института нет – и замысел состоял в том, чтобы его не было. Страна Методология возникает тогда, когда реализуется методологическая позиция» [100].

Безусловно, институционализация интеллектуалов была возможной и в советский период российской истории в форме институтов, отделов, секторов, лабораторий АН СССР и ее региональных отделений. Именно в такой форме работал Ю. Левада, существовал Институт международного рабочего движения. Организационное оформление игротехнического (методологического) движения происходит с конца 1980-х гг. В 1988 г. Г.П. Щедровицкий организует при Союзе научных и инженерных обществ

СССР Комитет по СМД-методологии и ОДИ (первый случай организационного оформления под собственным именем). При комитете создается печатный орган – журнал «Вопросы методологии». С 1989 г. начинают проводиться ежегодные съезды методологов. Однако правовое поле для институционализации складывается только в середине 1990-х гг., тем не менее, успешное взаимодействие гражданских активистов осуществляется с относительно формализованными центрами, в которых работают интеллектуалы, например, «Индем», «Стратегия», «Леонтьевский центр».

Необходимо отметить, что в большинстве положительных случаев деятельность интеллектуалов носила внеакадемический характер. Эти качеством отличалась миссионерская работа А. Меня, разработка и реализация проектов аналитическими центрами, практика игрового движения. Исключение составляют семинары Г.П. Щедровицкого, протесты советских ученых. В случаях провала, напротив, имеет место подчеркнутая академическая направленность деятельности интеллектуалов, работа над знанием ради знания, укреплением господствующей парадигмы, но не выход на решение практических задач.

Однако, не только ориентация на академическую деятельность, но и стремление участвовать в разработке политических решений приводит к отрицательной включенности интеллектуалов в процессы гражданской активности. Так «чикагские мальчики», в 1992-1994 гг. разрабатывавшие стратегию развития новой России, в своих проектах не ориентировались на ресурс самоорганизации граждан, но на государственную поддержку и логику рынка.

В дополнение следует отметить и тот факт, что в большинстве случаев, как положительных, так и отрицательных, мы имеем дело с интеллектуалами, являвшимися специалистами естественнонаучного профиля. Так в случаях в СССР и России 1990-х гг., помимо доктора физико-математических наук, академика А.Д. Сахарова, авторами и организаторами программы «Экополис» были интеллектуалы-биологи, основателем центра «Информатика для

демократии» был кандидат технических наук Г. Сатаров и т.д. Исключение в положительных случаях составляют философ Г.П. Щедровицкий, священник А. Мень.

Возвращаясь к тезису о значении стабильности (или, напротив, нестабильности) социального статуса профессиональных производителей идей, подчеркнем важность определения условий, «выступающих пусковым механизмом их взаимодействия с гражданскими активистами. В работе «Идеология и утопия», определяя модели поведения интеллектуалов по отношению к участию в общественной практике, немецкий социолог К. Мангейм указывал на то, что в любом обществе социальное бытие интеллектуалов задано картиной мира или утопией, связывающей их с определенными социальными слоями. Смена мотивации интеллектуалов к взаимодействию с теми или иными группами общественных интересов, по мнению К. Мангейма, наступает тогда, когда положение интеллектуалов в обществе становится проблематичным. Что происходит «каждый раз тогда, когда стоящий за ними социальный слой приходит к власти, когда в результате этого процесс развития не нуждается больше ни в связи утопии с политикой, ни в упомянутом духовном слое» [88, С. 216]. В рассматриваемых нами случаях имеет место не просто не востребованность, но *стигматизация* интеллектуалов, проявлением которой может служить как признание их проектов неприемлемыми, и сопровождающая данный процесс утрата общественного статуса, так и применение репрессий со стороны политической элиты» [19].

В результате теоретико-исторического анализа можно зафиксировать и целый ряд мер противодействия сотрудничеству интеллектуалов и гражданских активистов, как в положительных, так и в отрицательных случаях взаимодействия. Выше было отмечено, что в большинстве случаев имело место законодательное закрепление гражданских прав и свобод, однако, конституционно-правовые принципы и гарантии встречали существенные препятствия на пути своей реализации. Так, например, статьи 48-49 Конституции СССР 1977 г. закрепляли права граждан на участие в управлении

общественными и государственными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, а также право на внесение в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в их работе [78]. Однако на практике обсуждения и критика встречали резкое противодействие властей. Другим примером служит Конституция Бразилии, принятая 24 января 1967 года и действовавшая до 1988 года, которая, хотя и гарантировала основные права, но существенно усиливала централизацию государства, а также укрепляла власть президента, у которого имелась возможность приостанавливать действие конституционных прав и свобод граждан [77, С. 87–87].

Анализ случаев показывает, что репрессии имели место в большинстве из них, вне зависимости от успеха сотрудничества. Формы такого противодействия различны. Например, «в 1968 г. вместе с другими деятелями науки и культуры Г.П. Щедровицкий подписал одно из коллективных писем руководителям КПСС и правительства в защиту диссидентов А. Гинзбурга и Ю. Галанскова и был исключен из КПСС «за действия, использованные во вред партии и страны», а немногим позднее уволен с работы по сокращению штатов. После публикации заявлений против ввода советских войск в Афганистан рядом зарубежных газет в 1980 г. А.Д. Сахаров подвергся ссылке в Горький. Тогда же за антисоветскую деятельность указом Президиума Верховного Совета СССР, был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда и постановлением Совета Министров СССР – звания лауреата Сталинской и Ленинской премий.

Однако открытое противодействие властей не является безусловным фактором для прекращения разработки интеллектуалами социальных проектов, а в случаях успеха, может выступать и стимулом их вовлечения в гражданские практики.

Взаимодействие – это обоюдонаправленная система действий социальных субъектов. В исследуемых случаях успех сотрудничества определяется также

формированием общественного запроса на разработку альтернативной концепции социального развития и осознанием гражданскими активистами потребности в компенсации дефицита ресурсов движений для достижения их целей. Характеризуя участников движений, необходимо отметить, что в большинстве положительных случаев они выступают малоресурсными акторами политического процесса. Такие акторы могут добиться успеха, если обладают средствами, альтернативными тем, которыми владеет правящая элита. Спецификой ресурсов, доступных гражданским движениям, в большинстве положительных случаев является их нематериальный характер – это, как правило, ресурсы социального взаимодействия и группового авторитета. В случаях полного и частичного успеха сотрудничества роль интеллектуалов заключалась в мобилизации ресурсов субъектов низовой гражданской самоорганизации, важнейшими из которых выступают социальные ресурсы (формирование коллективной идентичности, чувства солидарности и т.д.) – они малозатратны и более доступны для ущемленных групп. Интеллектуалы в представленных случаях участвуют в аккумуляции организационных, информационных, а зачастую и материальных ресурсов. К примеру, международные фонды, институты и другие организации в 1990-е гг. выступали самым мощным источником финансирования Центров публичной политики (ЦПП) в России. Такие фонды, как Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Фонд «Евразия» предоставляли гранты огромному количеству ЦПП, среди которых центр «Стратегия», «Транспаренси Интернешнл-Россия», ИНДЕМ и др. Помимо вышеназванных, наиболее значимую финансовую поддержку ЦПП осуществляли Фонд Форда, Фонд МакАртуров, Фонд Мотта [177]. Общественным организациям и движениям для получения грантов от этих фондов необходимо было обладать умением писать заявки, быть известными грантодателю, обладать проектной культурой, что также обеспечивалось сотрудничеством с публичными интеллектуалами. В исследуемых положительных случаях именно интеллектуалы выступали катализаторами ресурсной мобилизации движений» [19].

Таким образом, анализ комплекса объективных факторов позволяет сделать вывод, что успеху сотрудничества в большинстве исследуемых случаях сопутствует:

– отсутствие доступа групп гражданских интересов к центрам принятия политических решений (А1);

– развитие «патовой ситуации» расстановки политических сил (А2), характеризующейся состоянием затянувшегося равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств.

– стигматизация интеллектуалов (Б3), которую характеризует не востребованность идей интеллектуалов у представителей правящей элиты, служащая стимулом к поиску нового адреса социальных проектов.

– потребность в мобилизации ресурсов движений (В2), которой способствует сотрудничество гражданских активистов с интеллектуалами. Установлено, что в большинстве положительных случаев субъекты гражданской активности выступают малоресурсными акторами социально-политического процесса. Успеху самоорганизации способствует формирование альтернативных материальных основ культурного производства посредством установления отношений сотрудничества с интеллектуалами.

Именно на стадии мобилизации движений (В1) включение интеллектуалов в их деятельность представляется наиболее значимым, поскольку способствует аккумуляции ресурсов, формулированию стратегии и тактики, формированию тактики коллективных действий и развитию активистской среды.

Подводя итог рассуждению об объективных условиях успеха сотрудничества, отметим, что, хотя они и являются необходимыми, но все же не могут носить достаточного характера. Факторы среды определяют осознание потребности во взаимодействии и первичную мотивацию к сотрудничеству, однако не обеспечивают формирование устойчивой коммуникации и воспроизводство (повторение) взаимодействия. Более того, элементы набора объективных условий проявляют себя и в случаях провала сотрудничества. В

этой связи необходимо провести анализ ситуации взаимодействия изнутри, вскрыть неформальные микросоциальные основания успеха сотрудничества.

2.4 Влияние интеллектуалов на развитие практик гражданской самоорганизации и успех гражданских движений

Современные исследования факторов общественного развития утверждают, что «социальная динамика задается поведением человека, в котором, как правило, выделяют практики, как стереотипные, повторяющиеся действия, и стратегии – формы целенаправленной деятельности. В свою очередь, в психологии и социологии накоплено большое количество ответов на вопрос, чем определяется поведение индивидов и групп. Среди разнообразных точек зрения общее согласие достигнуто относительно значимости установок – осознаваемых и неосознаваемых когнитивных структур. Адекватной научной моделью описания различных типов установок является концепция габитуса французского социолога П. Бурдьё, получившая развитие в теории социально-ментальной динамики российского исследователя Н.С. Розова [124]. В работах Н.С. Розова «габитус» понимается как устойчивый комплекс следующих управляющих психических образований: познавательных установок (фреймов), ценностных установок (символов), установок самовосприятия (идентичностей) и поведенческих установок (стереотипы практик и принимаемые стратегии). Их конкретные сочетания определяют отношение социальных субъектов к другим людям, обществу, государству и жизни в целом [124, С. 42]. Наконец, механизмом формирования и подкрепления самих габитусов выступают интерактивные ритуалы – значимые эмоционально внушительные взаимодействия в ситуациях «здесь и сейчас», в результате которых изменяются или подкрепляются их когнитивные установки, идентичности и поведенческие стереотипы [124, С. 45].

Теория интерактивных ритуалов обладает значительным эвристическим потенциалом и при исследовании роли, которую играют интеллектуалы в

социальной практике. В аспекте анализа участия отправной точкой является сама ситуация взаимодействия, представляющая собой интерактивный ритуал «здесь и сейчас» общения интеллектуалов и гражданских активистов. К примеру, в конце XIX века в России потенциал такого общения был использован движением революционных народников в практике «хождения в народ». В советской России и Польше площадками ритуалов выступали академические кружки и домашние семинары, а в середине 1990-х гг. школы и социальные форумы. В рамках «иной кампании» мексиканских сапатистов личные встречи происходили в местах общих собраний на территории индейских поселений» [21].

Американский социолог Р. Коллинз, предлагая концептуальную программу ритуала интеракции, отмечал, что «данная концепция представляет собой, прежде всего, теорию ситуаций, обладающих собственными законами или процессами развития [75, С. 28–29]. То есть микроситуация взаимодействия, по мнению Р. Коллинза, не является чем-то индивидуальным, но «проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро- сколь угодно большого масштаба» [76, С. 67]. В ходе ритуала интеракции обстоятельства, обладающие высокой степенью сосредоточения внимания, порождают чувство членства, связанное с когнитивными символами, и наделяют эмоциональной энергией отдельных участников, заставляя их испытывать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают нравственно верным.

Результатом интерактивных ритуалов интеллектуалов и участников движений является динамика фреймов – когнитивных структур осмысления явлений социального окружения посредством подведения происходящего под знакомое и привычное. Трансформация фреймов (рефрейминг) заключается в том, что актуальность для интерпретации происходящего приобретают иные, а подчас и альтернативные установки. Так, в российской исторической динамике наиболее значимы смены фреймов относительно таких сфер отношений, как, например, Россия/Запад или государство-власть/народ-воля» [21]. В случаях в

латиноамериканских странах и в Восточной Европе, напротив, переключение фреймов происходило по оси долг/право; зависимость/свобода и государство/нация.

Формированию активистских фреймов участников движения безземельных рабочих и движения против строительства ГЭС в Бразилии способствовало их сотрудничество с группой интеллектуалов-католиков, принадлежавших течению «теология освобождения». По мнению исследователей Ф.Д. Ротмана и П. Оливер, «изучавших установки активистов движения против строительства ГЭС, истоки протеста следует искать в традиционном религиозном понимании пострадавшими, что земля жизненно необходима беднякам [227, С. 46]. Активисты Пастырского земельного комитета (Д. Гомес, Д. Паскуалотто) и их союзники интерпретировали борьбу со строительством ГЭС в контексте теологии освобождения, связав веру и жизнь, веру и политику. Они настаивали на том, что текст Библии содержит множество положений, согласно которым земля – это дар божий, и каждый имеет равный доступ к ней. Программа политического образования, развернутая Пастырским земельным комитетом, способствовала развитию политического сознания, коллективной воли, а также трансформации убеждений участников движений – от фаталистических к ассертивным. Интеллектуалы-католики сформировали в бразильских СМИ дискурс «потерь», которые могут стать результатом строительства дамб, а впоследствии ГЭС [227, С. 49]. Выступая в поддержку движения безземельных рабочих, они акцентировали внимание на несоответствии политики режима христианским ценностям посредством обращений к правящей элите [67, С. 227–230], призывов к проведению аграрной реформы в интересах рабочих [218, С. 70–71]. Результатом взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов в Бразилии стал переход от претензий на восстановление справедливости к требованиям, подкрепленным идеями христианского социализма, альтерглобализма (в случае движения безземельных рабочих) и экологического поведения (движение против строительства ГЭС)» [22, С. 151–153].

Один из основателей польского дискуссионного клуба «Опыт и будущее» С. Братковский отмечал, что деятельность клуба была ориентирована на поддержку основанного в 1976 г. Комитета защиты рабочих, хотя сотрудничество подчас сопровождалось и разногласиями. Тем не менее, в период с 1979 по 1982 гг. интеллектуалы из «Опыта и будущего» провели серию опросов о ситуации в польском обществе. Итоги опросов нашли отражения в докладах клуба: «О состоянии Речи Посполитой и путях, ведущих к ее исправлению» (1979), «Как выйти из сложившегося положения» (1980), «Общество перед лицом кризиса» (1981), «Польша в условиях военного положения» (1982) [15].

Интеллектуалы и их идеи определяют и символы движений, а также принципы и ценности, разделяемые их участниками. «Для успешных движений характерно достижение устойчивой связи имени интеллектуала и названия движения, а часто и сам интеллектуал становится символом движения (акад. А. Сахаров – диссидентское движение, субкоманданте Маркос – сапатистское движение и т.д.).

В процессе личного общения с лидерами и участниками движений интеллектуалы способствуют формированию идентичностей, активистских поведенческих установок, а также предлагают формы и методы достижения целей движения.

Например, посредством публикаций в СМИ и публичных выступлений бразильским интеллектуалам удалось сформировать коллективную идентичность участников движения безземельных рабочих в Бразилии, определить их в качестве *пострадавших* от действий властей, что способствовало росту гражданской солидарности» [21; 218].

В случаях успеха интеллектуалы оказывают существенное влияние на стереотипы практик гражданских активистов и принимаемые ими стратегии. Показателем успеха сотрудничества в исследуемых случаях выступает влияние интеллектуалов на набор методов гражданского действия, форм и способы достижения целей. Так, в случае в Эквадоре в 1920-х – 1940-х гг. «члены

синдиката им. Хуана Монталво, сотрудничая с интеллектуалами, перешли от практики бунтарских выступлений к относительно мирным гражданским акциям под социалистическими лозунгами. Итогом их многолетнего взаимодействия стало основание в 1944 г. первой организации в защиту прав индейского населения – Федерации индейского народа Эквадора [196]. Однако интеллектуалы могут способствовать как радикализации методов достижения требований, так и, напротив, выступать апологетами и агентами лоббирования. В Мексике субкоманданте Маркос выступал одним из идеологов вооруженного восстания Сапатистской армии национального освобождения (САНО) 1 января 1994 г. в индейском штате Чьяпас, результатом которого стало подписание федеральным правительством первых «соглашений Сан-Андреса», предполагающих изменение мексиканской конституции и признание в ней прав и культуры индейских народов, а также права на автономию и самоуправление индейских общин и населенных ими территорий. Заслугой Маркоса является также последующая ориентация активистов САНО на проведение консультаций с местным населением, а также ненасильственных акций давления на правительство с целью выполнения последним заключенным договоренностей» [22; 63]².

Применяя терминологию Э. Дюркгейма, Р. Коллинз отмечал, следует в процессе ритуалов интеракции участники движений наполняются так называемой «моральной силой». Эмоциональная энергия «заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям, когда эти индивиды находятся вне группы» [76, С. 70]. Эмоциональная энергия перетекает из ситуации «здесь и сейчас» участия в ритуале интеракции в ситуации, когда индивиды находятся в одиночестве. Интерактивные ритуалы влекут за собой важные последствия. Участие интеллектуалов в успешных

² По замечанию субкоманданте Маркоса, в Мексике «не существует стола, вокруг которого можно сесть и вести диалог с правительством. Мы должны создать этот стол. Наша задача в том, чтобы убедить правительство в том, что нам необходимо сделать этот стол, что оно должно сесть за него и что оно от этого выиграет. И если оно этого не сделает – проиграет» [63].

практиках самоорганизации граждан представляет собой не просто опыт разового общения, это, как правило, продолжительное взаимодействие, обладающее определенной частотой и регулярностью. В непосредственных личных контактах повышается интенсивность эмоций, а также возможность установления значимой обратной связи. Успех первого взаимодействия выступает фактором положительного подкрепления – обуславливает последующее обращение субъектов гражданской активности к интеллектуалам» [21].

В случаях долговременного сотрудничества можно обнаружить более или менее устойчивую структуру или паттерны личных связей между интеллектуалами и гражданскими активистами:

Семейные, супружеские связи. Здесь весьма ярким примером выступает фигура акад. А.Д. Сахарова. Так, «на начале 1970-х гг. присутствуя на процессах над правозащитниками, Сахаров познакомился с Е. Боннэр, которая стала его супругой в 1972 г. В «Воспоминаниях» А. Сахаров много пишет о роли, которую сыграла Е. Боннэр в его собственной правозащитной деятельности, развитии сети контактов с диссидентами» [23; 134].

Наставничество и приобретение статусов. По свидетельствам современников, «духовным наставником, а подчас и крестным отцом многих правозащитников, например, А. Солженицына, А. Галича, А. Вознесенского был священник и интеллектуал Александр Мень».

Конкуренция в интеллектуальной среде – одна из форм существования интеллектуальных сетей, значимый способ взаимодействия интеллектуалов. Борьба за признание, удовлетворение престижных потребностей – важнейший мотив участия интеллектуалов в гражданской активности. Интеллектуал мог стать идейным лидером общественного движения, или его символом, как, к примеру, К. Маркс или субкоманданте Маркос в современной Мексике. В случаях достижения движением успехов в реализации требований, интеллектуал мог занять значимый государственный пост» [23].

Коммерческий интерес. Ранее мы указывали, что «в 1990-е гг. успешное взаимодействие интеллектуалов и общественных организаций часто происходило в формате экспертного сопровождения деятельности, оказания консультационных услуг, обучения активистов. Это в свою очередь проводилось за счет финансовой поддержки НКО со стороны международных фондов (Фонд Сороса, фонд Конрада Аденауэра, фонд Карнеги и т.д.).

Безусловно, не следует исключать тот факт, что участие интеллектуала в гражданской самоорганизации может быть обусловлено его идеологической установкой, профессиональной направленностью. Например, в современной России социалистическая идеологическая ориентация объединяет интеллектуалов и сторонников общественного движения «Альтернативы». Гражданский активизм – это и одна из областей исследовательского интереса интеллектуалов» [23].

Исследование субъективных оснований участия интеллектуалов в практиках низовой самоорганизации граждан позволяет сделать вывод об их влиянии на развитие активистской среды посредством воздействия на поведенческие установки участников движений. Таким образом, роль интеллектуалов заключается в формировании активистских габитусов участников движений – создании и поддержания символической сферы движений, групповой солидарности, а также ориентации на коллективное действие.

Предлагая подход к анализу взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов, мы с самого начала формулировали исследовательскую задачу не в контексте определения приоритета объективного либо субъективного для достижения успеха сотрудничества, а как поиск модели взаимодействия, сочетающей обе группы условий, с необходимостью воспроизводящей себя в обществах вне зависимости от их географической локализации, а также типа политического и социокультурного развития.

Отказавшись от одномерных моделей взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов, подробный анализ которых был представлен во второй главе настоящего исследования, и взяв за основу прагматическое определение интеллектуалов, удалось произвести теоретическую реконструкцию условий интеграции профессиональных производителей идей в практики низовой самоорганизации граждан.

Проведенная в диссертационном исследовании последовательная проверка работы факторов в случаях успеха и провала сотрудничества, позволяет предложить иную модель участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации. Теоретическим базисом модели выступает концепция Роберта Вутноу [236], основные положения которой получили дополнительную аргументацию в настоящем диссертационном исследовании. Отметим, что в своем анализе Вутноу практически не вникает в содержание идей, формулируемых интеллектуалами, а скорее обращает внимание на материальные основы культурного производства, а также расстановку политических и экономических сил, предоставляющих интеллектуалам пространство и свободу действия [236]. При этом Вутноу делает значительный акцент на процессе отбора и институционализации идей.

Проведенное нами исследование объективных условий и субъективных факторов успеха сотрудничества позволяет фиксировать схожие паттерны создания коалиций интеллектуалов и гражданских активистов. Так, когда социально-политические условия благоприятны, происходит взрыв интеллектуального производства. Однако деятельность интеллектуалов в современных условиях весьма специализирована, и они не могут производить структурные изменения в обществе, действуя как группа, так как проявляют слишком большое несогласие относительно выбора направления развития.

В рассмотренных случаях востребованность и отбор проектов интеллектуалов определяется формированием в обществе благоприятной структуры политических возможностей, характеризующейся наличием существенного разрыва между гражданскими требованиями и принимаемыми

элитой политическими решениями, возникновением ситуации длительного равновесия сил между элитными группами, а также наличием интереса со стороны гражданских активистов. Для последних сотрудничество с интеллектуалами обеспечивает компенсацию недостатка ресурсов, а также завоевание социального престижа и привлечение сторонников.

Отсюда предлагаемая нами модель принимает вид **конфликтной коалиции**, устойчивость и успех которой определяется пересечением интересов (сетей) интеллектуалов и гражданских активистов, а также формированием паттернов их личных связей.

Очевидно, что влияние интеллектуалов на развитие самоорганизации в случаях успеха сотрудничества особенно значимо на стадии мобилизации гражданских движений, когда происходит определение набора и специфики коллективных действий и развитие активистской среды.

Следует отметить, что наш отказ считать интеллектуалов «моральным орденом» общества и определять гражданский этос их сущностной чертой, отнюдь не исключает профессиональных производителей идей из пространства социальных субъектов. Напротив, предлагаемая в настоящем исследовании модель конфликтной коалиции призвана подчеркнуть общественную заинтересованность в проектах интеллектуалов, существующую с необходимостью и независимо от содержания самих идей.

Проведенное исследование позволяет дать интерпретацию содержанию субъективного в том влиянии, которое оказывают интеллектуалы на развитие гражданской самоорганизации, не в терминах авангардизма, пассионарности или харизмы, а в контексте развертывания микроситуации взаимодействия с гражданскими активистами, основой которой выступает интерактивный ритуал. Именно в процессе совместных интерактивных ритуалов интеллектуалов, лидеров и участников движений происходит формирование и подкрепление активистских габитусов.

Интеграция интеллектуалов в структуру социальных и политических связей является особенно значимой для современных обществ, где

специфический ресурс интеллектуала (способность к производству идей, обладающих универсальной ценностью и имеющих значение вне исторического контекста, географической привязки и практической применимости) превращается в символический капитал.

Заключение

Для оценки результатов, представленных в диссертационном исследовании, вновь сделаем акцент на цели работы, в качестве которой были обозначены социально-философский анализ роли интеллектуалов в гражданской самоорганизации, а также выявление объективных факторов и субъективных условий участия интеллектуалов в гражданских движениях.

В первой главе решалась задача определения сущностных черт и социальных функций интеллектуалов. На основе сравнения европейских, американских и российских концепций установлено, что гражданский этос в сообществе профессиональных производителей идей имеет вторичный статус и не является сущностной чертой интеллектуала как социально-антропологического типа или социального субъекта. Определяющей особенностью интеллектуалов выступает способность создавать деконтекстуализированные идеи, а именно проекты, имеющие значение не только в конкретной ситуации применения, но и оказывающие влияние на дальнейшее развитие научной теории и общественной практики. В этой связи показано преимущество использования прагматического подхода к определению роли интеллектуалов в обществе.

Выявление специфики трансформации социального статуса интеллектуалов в современном обществе осуществлялось на основе изучения позиций различных авторов в полемике об исчерпании интеллектуалами своей социальной роли, а также конверсии интеллигенции в интеллектуалов, которая особенно характерна для российского социально-философского дискурса. Проведенный анализ показывает, что феномен конверсии призван, с одной стороны, противостоять декларации «смерти интеллигенции» как социального субъекта, а с другой – избыточной морализации образа интеллектуала как наследника «русского интеллигента».

Посредством сравнения содержания современных научных концепций гражданского участия и моделей интеграции интеллектуалов в практики

гражданской самоорганизации, реконструированных из доступного массива предметных теоретических работ, выявлены основные затруднения в определении действительной меры воздействия профессиональных производителей идей на развитие и эффективность гражданских практик.

Это существенная дистанция в поле интерпретации механизмов успеха движений и результатов социально-политического участия интеллектуалов. А также неоднозначность употребления самого термина и явное преувеличение роли интеллектуалов в обществе и значения их личностных качеств, что, как правило, связано с тем, что авторы работ, посвященных интеллектуалам, сами имеют непосредственное отношение к данной группе.

Данные выводы послужили основой постановки задачи разработки и обоснования теоретического подхода к операционализации влияния интеллектуалов на успех низовой самоорганизации граждан, решению которой посвящена вторая глава диссертационного исследования.

Итак, в практической части работы роль интеллектуалов в процессах гражданской самоорганизации представлена в качестве интегративной переменной (формирование и распад значимой взаимной связи между субъектами гражданской активности и интеллектуалами), значения которой определяются результатом (успехом) взаимодействия.

На основе систематического сравнения случаев участия интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан в странах, удаленных друг от друга территориально и исторически, а также отличающихся культурным своеобразием (Россия, страны Восточной Европы и Латинской Америки – Бразилия, Мексика, Аргентина, Эквадор) определены условия, значимые для успеха взаимодействия. Содержательная интерпретация условий представлена в диалектике субъективного и объективного в социальной динамике.

Установлено, что комплекс объективных условий, сопутствующих успеху интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации, характеризуется следующими основными факторами: существенный разрыв гражданских требований и принимаемых элитой политических решений;

возникновение «патовой ситуации» или ситуации длительного равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств, что открывает пространство для борьбы идей и социальных проектов. Эффективность взаимодействия и роль интеллектуалов особенно велика на ранних стадиях самоорганизации и развития движений, а именно на стадии мобилизации, когда происходит определение репертуара коллективных действий, интенсификация общения и развитие активистской среды. Пусковым механизмом взаимодействия интеллектуалов с субъектами гражданской активности является их стигматизация со стороны правящей элиты, что проявляется как утрата интеллектуалами прежних социальных позиций и перспектив в случаях успеха побуждает их к поиску новых адресатов своих идей и проектов, способных обеспечить им общественное признание.

В свою очередь, ввиду прагматического подхода к интеллектуалам, взятого за основу в настоящей работе, к субъективным факторам отнесены микросоциальные основания взаимодействия, определяющие его коммуникативные особенности, характер ситуации, установки и мотивы участников.

Историко-теоретический анализ случаев успеха позволил выявить пересечение сетей интеллектуалов и сетей гражданских активистов, благодаря которому происходило формирование устойчивой структуры личных связей интеллектуалов и активистов: супружеских и семейных связей, отношений партнерства, дружбы и наставничества. Случаи успеха сотрудничества представляют собой опыт продолжительного взаимодействия, характеризующегося интенсивностью и частотой контактов. В большинстве положительных случаев обнаружено «оперантное обусловливание» (подкрепление) сотрудничества, при котором успех взаимодействия определяется установлением значимой обратной связи и последующим обращением субъектов гражданской активности к интеллектуалам.

Исследование субъективных оснований участия интеллектуалов в практиках низовой самоорганизации граждан позволяет сделать вывод об их

влиянии на формирование комплекса активистских установок (активистских габитусов) участников движений и инициативных групп граждан, включающего следующие компоненты:

Фреймы. В случаях успеха сотрудничества имеет место подкрепление смены обывательских установок участников самоорганизации активистскими относительно таких схем интерпретации отношений в обществе, как, например, долг/право; зависимость/свобода; государство/нация.

Символы, разделяемые участниками движений и *установки самовосприятия.* Росту гражданской солидарности в случаях успеха способствует формирование интеллектуалами идентичностей участников самоорганизации.

Стереотипы практик и принимаемые стратегии. Показателем успеха сотрудничества в исследуемых случаях выступает влияние интеллектуалов на набор методов гражданского действия, форм и способы достижения целей. Предлагая социальные проекты, интеллектуалы могут способствовать как радикализации методов коллективного действия, так и, напротив, быть апологетами и агентами мирного лоббирования. Таким образом, в субъективном ключе влияние интеллектуалов на развитие гражданских практик состоит в создании и поддержании символической сферы движений, групповой солидарности, а также ориентации участников низовой самоорганизации на коллективное действие.

Основное значение диссертационного исследования состоит в выявлении причин успеха взаимодействия социальных субъектов, образы которых традиционно маркируют социальную практику (гражданские активисты, общественные движения) и теорию (интеллектуалы). Исследование представляет значение с точки зрения интеграции социального и исторического познания, и его выводы могут найти практическое применение в сфере рекомендаций по построению конструктивных моделей взаимодействия социальных субъектов, развития институтов гражданского общества, а также мер по повышению эффективности взаимодействия власти и общества.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Подводя итог, обозначим ориентиры последующих исследований. Во-первых, необходимо проведение сравнительного анализа случаев сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов в государствах, не вошедших в предмет настоящей работы, к примеру, в арабских странах и Китае. Во-вторых, необходима дальнейшая проверка теоретической модели и критериев сравнения случаев, ее дополнение новыми значимыми факторами. В-третьих, полученные результаты позволят более подробно исследовать механизмы социально-ментальной динамики обществ.

Список литературы

1. Агила дель Р. Критика ангажированного интеллектуала. Дело Сократа сегодня / Р. Дель Агила // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агила. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 19–37.
2. Арон Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон // Логос. – 2005. – № 6. – С. 182–205.
3. Ашкеров А. Интеллектуалы и модернизация: монография / А. Ашкеров. – М.: Европа, 2010. – 48 с.
4. Ашкеров А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма: монография / А. Ашкеров. – М.: Европа, 2009. – 129 с.
5. Балаян А.А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши: Препринт М-07/09 / А.А. Балаян. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 30 с.
6. Барабаш И. Интеллигент и интеллектуал / И. Барабаш // Человек без границ. – 2010. – № 3. – С. 62–63.
7. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций / Н.А. Баранов. СПб.: БГТУ. – 400 с.
8. Бауман З. Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1 (27). – С. 5–20.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999. – 788 с.
10. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. пер. с франц. / Ж. Бенда. – М., 2009. – 312 с.
11. Боббио Н. Интеллектуалы и власть / Н. Боббио // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 162–171.
12. Бондаренко Е.А. Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в исторических системах духовного производства:

диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Бондаренко Екатерина Андреевна. – Курск, 2014. – 166 с.

13. Борисов И. В. Феномен интеллигенции/интеллектуалов: историческая типология и нынешнее состояние / И.В. Борисов // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 64–74.

14. Борисов И.В. Интеллигенция: проблема локализации феномена / И.В. Борисов // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 81–91.

15. Братковский С. «Опыт и будущее» или в какой степени этот опыт может послужить будущему [Электронный ресурс] / С. Братковский // Новая Польша. – 2004. – № 6. – URL.: <https://www.nowayapolsha.pl/pdf/2004/06.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

16. Брысина Т.Н. Социальная антропология: монография / Т.Н. Брысина. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2013. – 235 с.

17. Бурдьё П. За ангажированное знание [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. – URL.: bourdieu.name/content/za-angazhированное-znanie (дата обращения: 04.02.2019).

18. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – СПб: Алетейя, 2010. – 288 с.

19. Бутина А.В. Интеллектуалы в гражданских движениях: факторы успеха сотрудничества / А.В. Бутина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 33–36.

20. Бутина А.В. Интеллектуалы в сетевых сообществах: социально-философский анализ / А.В. Бутина // Молодой ученый. – 2014. – № 7. – С. 659–655.

21. Бутина А.В. Ритуалы и габитусы: субъективные основания участия интеллектуалов в гражданской самоорганизации / А.В. Бутина // Перспективы науки. – 2014. – № 8. – С. 55–58.

22. Бутина А.В. Роль интеллигенции в общественных движениях в странах Латинской Америки в середине – второй половине XX века / А.В. Бутина // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 4. – С. 146–155.

23. Бутина А.В. Условия интеграции интеллектуалов в процессы гражданской активности / А.В. Бутина // Политическая концептология. – 2012. – № 1. – С. 97–104.

24. Бухараева Л. Диалогическая педагогика Пауло Фрейре / Л. Бухараева // Высшее образование в России. – 2001. – № 3. – С. 122–127.

25. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.

26. Вершинин А. Отчужденная интеллигенция: российская проблема и французский урок / А. Вершинин // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 4(102). – С. 31–43.

27. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. – 240с.

28. Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

29. Ворожейкина Т.Е. Авторитарный режим и общество в России / Т.Е. Ворожейкина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 5. – С. 89–112.

30. Ворожейкина Т.Е. Демократия и экономическая реформа (Опыт сравнительного политического анализа Латинской Америки и России) / Т.Е. Ворожейкина // Pro et Contra. – 1997. – № 1. – С. 95–105.

31. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в Перу / Т.Е. Ворожейкина // Общественные науки и современность. – 1998. – №3. – С. 55–72.

32. Ворожейкина Т.Е. Самозащита как первый шаг к солидарности // Т.Е. Ворожейкина // Pro et contra. – 2008. – № 2. – С. 6–23.

33. Ворожейкина Т.Е. Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки / Т.Е. Ворожейкина // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1995. – № 6. – С. 18–23.

34. Ворожейкина Т.Е. Специфика гражданского общества в Аргентине / Т.Е. Ворожейкина // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1996. – № 6. – С. 88–96.

35. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке / Т.Е. Ворожейкина // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 6. – С. 5–26.

36. Галкин Д.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества / Д.В. Галкин, Е.В. Казанкина // *Вестник ТГУ*. – 2007. – № 298. – С. 72–79.

37. Голиченко Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований / Т. Голиченко // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2004. – № 2. – С. 42–63.

38. Гонтмахер Е. Средний класс и российская модернизация [Электронный ресурс] / Е. Гонтмахер, Л. Григорьев, Т. Малева. URL.: <http://www.riocenter.ru/ru/news/analytics/248> (дата обращения: 04.02.2019).

39. Гончарова Т.В. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки / Т.В. Гончарова, А.К. Стеценко, Я.Г. Шемякин. – М., 1995. Кн. I.

40. Горный М. Фабрики мысли и центры публичной политики в конце XIX – начале XX веков [Электронный ресурс] / М. Горный URL.: https://www.civisbook.ru/files/File/Gornyi_fabriki.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

41. Горчицкая Е.А. Интеллигенция, интеллектуалы и элита в социальном пространстве: соотношение и сравнительный анализ понятий / Е.А. Горчицкая // *Омский научный вестник*. – 2009. – № 3. – С. 66–70.

42. Горчицкая Е.А. Социальный контекст взаимодействия элиты, интеллектуалов, интеллигенции: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Горчицкая Елена Аркадьевна; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. – Омск, 2011.- 142 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-9/107.

43. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Grazhdane_i_polit_praktiki.pdf. (дата обращения: 04.02.2019).

44. Грамши А. Тюремные тетради (Избранное) / А. Грамши. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560с.

45. Грязнова О.С. Социология революции Л. Эдвардса / О.С. Грязнова, Д.Г. Подвойский // Социологический журнал. – 2005. – №1. – С. 73–100.

46. Гуадарама Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994-2002 гг. [Электронный ресурс] / Р.Д. Гуадарама // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1. URL.: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/1/rol-intellektualov-v-izmenenii-meksikanskoj-politiki-1994-2002.html> (дата обращения: 04.02.2019).

47. Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы /Л. Гудков // Знамя. – 1992. – № 3–4. – С. 203–206.

48. Гудков Л.Д. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин. – СПб., 2009. – 299 с.

49. Даниэль А.Ю. Истоки и корни диссидентской активности в СССР / А.Ю. Даниэль // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 1. – С. 51–65.

50. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением / Р. Дарендорф // Полис. Политические исследования – 1997. – №6. – С. 5.

51. Диалог с Ричардом Рорти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vavilon.ru/textonly/issue1/rort_int.htm (дата обращения: 04.02.2019).

52. Диас Э. Интеллектуалы и политика в Испании: институционалисты и социалисты / Э. Диас // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 75–99.

53. Дмитриев Т. Антонио Грамши / Т. Дмитриев // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. (Мыслящая Россия.) Под ред. В. Куренного. М., 2009. – С. 207–228.

54. Добрускин М.Е. Интеллигенция под огнем критики: вымыслы и истина / М.Е. Добрускин // Философия и общество. – 2004. – № 3. – С. 43–59.

55. Дубин Б.В. Институты, сети, ритуалы / Б.В. Дубин // Pro et contra. 2008. – № 12. – С. 25–35.

56. Дудченко В.С. Решение региональных проблем игровыми методами / В.С. Дудченко, И.К. Масалков // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 85–91.

57. Дьяков А.В. Политическая функция интеллектуала: история и современность / А.В. Дьяков // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. С. 21–32.

58. Заусаева Н.А. Возможна ли конверсия отечественной интеллигенции в интеллектуалов / Н.А. Заусаева // Доклады участников Пятого Всероссийского конгресса политологов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. – М., 2009.

59. Заусаева Н.А. Интеллектуалы и бюрократия: цивилизационные аспекты сосуществования / Н.А. Заусаева // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. – 2014. – № 7. – С. 368–374.

60. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений / Е.А. Здравомыслова. – СПб.: Наука, 1993. – 172 с.

61. Иноземцев В. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67–77.

62. Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография /отв. ред.

В.С. Меметов, В.Л. Черноперов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. – 276 с.

63. Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу [Электронный ресурс]. – URL.: http://scep sis.ru/library/id_579.html. (дата обращения: 04.02.2019).

64. Ионин Л. Г. Арифметика души: интеллигенция и власть /Л.Г. Ионин // Свобода в СССР. – СПб.: Нева-ПРЕСС, 1997 – С. 76.

65. Кампс В. Противоречия интеллектуала в XXI веке / В. Кампс // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 58–72.

66. Касавин И. Кнехт и Дезиньори. Социокультурные роли человека интеллектуального труда / И. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 3. – С. 5–16 .

67. Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XIX-XX вв. (Документы и материалы). М., 1980. – 296 с.

68. Кахраман Х.Б. Исторический тупик турецких интеллектуалов / Х.Б. Кахраман // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1. – С. 29–34.

69. Квакин А.В. Интеллектуальная элита – интеллектуалы / интеллигенция: еще раз о соотношении понятий [Электронный ресурс] / А.В. Квакин // Интеллигенция и мир. – 2001. – № 2/3. – URL.: <http://www.kvakin.ru/Documents/intelligentsia.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

70. Кирчик О. Пьер Бурдьё / О. Кирчик // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. (Мыслящая Россия.) Под ред. В. Куренного. – М., 2009. – С. 314–334.

71. Козлова Н. Социально-историческая антропология / Н. Козлова. – М: Ключ-С., 1998. – 156 с.

72. Козлова О.Н. Способна ли самоопределиться российская гуманитарная интеллигенция? / О.Н. Козлова, М.Б. Буланова // СОЦИС. – 2001. – № 1. – С. 144–146.

73. Колаковский Л. Слово о словах / Л. Колаковский // Новое время. – 1993. – № 6. – С. 56–58.

74. Коллинз Р. Анализ интеллектуальных сетей и русская мысль в европейском контексте [Электронный ресурс] / Р. Коллинз // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – URL.: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_18.html (дата обращения: 04.02.2019).

75. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / Р. Коллинз // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – № 1. – С. 27–39.

76. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

77. Конституционное (государственное) право зарубежных государств. Т. 4. Часть особенная: страны Америки и Азии. – М., 2001. – 656 с. – С. 84–87.

78. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 04.02.2019).

79. Костин Р.А. К дискуссии об интеллигентах и интеллектуалах / Р.А. Костин, О.К. Михайлова // Социология и право. – 2016. – № 2. – С. 23–29.

80. Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) / В.А. Красильщиков // Мир России. – 2002. – Т. 11.– № 1. – С. 57–96.

81. Куренной В. Интеллектуалы / В. Куренной // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. Сб. под ред. В. Куренного. М., 2006. – С. 5–26.

82. Куренной В. Интеллектуально-активная группа населения и ее взгляды / В. Куренной // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 3(91). – С. 183–190.

83. Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив / А. Кустарев // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3(47). – С. 18–30.

84. Кустарев А. Пьер Бурдьё. Вечный бой с агентами невежества / А. Кустарев // Новое время. – 2002. – №12. – С. 10–15.

85. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения / В.И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5 изд. М.: Политиздат, 1963. Т. 6. – С. 6–27.

86. Лукач Д. Американские интеллектуалы как исчезающий вид [Электронный ресурс] / Д. Лукач // Русский журнал. 10.14.02. – URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/other_lang/20021014.htm (дата обращения: 04.02.2019).

87. Магарил С.А. Гражданская ответственность интеллигенции / С.А. Магарил // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 51–57.

88. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 113–169.

89. Мангейм, К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Часть I. / К. Мангейм. – М., 1993. – 89 с.

90. Мангейм К. Проблема интеллигенции. Исследование ее роли в прошлом и настоящем. Часть II. / К. Мангейм. – М., 1993. – 104 с.

91. Марина Х.-А. Интеллектуал и власть / Х.-А. Марина // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 38–57.

92. Мартьянов В. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления / В. Мартьянов // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. – М.: Наследие Евразии, 2009. – С. 72–95.

93. Матвеев И.А. Ч.Р. Миллс об ответственности интеллектуалов / И.А. Матвеев // Глобальный научный потенциал. – 2013. – № 7(28). – С. 29–31.

94. Мау В. Интеллигенция, история и революция / В. Мау // Новый мир. – 2000. – № 5. – С. 141–152.

95. Меметов В.С. Философия, интеллигенция и власть / В.С. Меметов // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 3. – С. 149–150.

96. Меметов В.С. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблемах дефиниций / В.С. Меметов, В.В. Комиссаров // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 1. – С. 70–79.

97. Мерсиянова И.В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон. – М., 2007. – 220 с.

98. Миссия интеллектуала в современном обществе: Сборник статей. Ред.колл.: Ю.Н. Солонин (пред.) и др. – СПб., 2008. – 676 с.

99. Моррас Ш. Будущее интеллигенции / Ш. Моррас. – М., 2003. – 160 с.

100. ММК в лицах : Московский методологический кружок: методологическое и игровое движение : [сборник]. Т. 2. – М.: ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2007. – 381 с.

101. Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа / Под ред. В. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2008. – 238 с.

102. Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2009. – 368 с.

103. Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев / В.Ш. Нахушев // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 129–138.

104. Неменко Н.П. Интеллектуалы и общество в современной французской социологии: к истории концепта ангажированности / Н.П. Неменко // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. – № 3. – С. 81–87.

105. Неменко Н.П. Святой, ангажированный, пролетарий: трансформации этоса французского интеллектуала (начало – середина XX в.) / Н.П. Неменко // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы Сборник научных статей. – Екатеринбург, 2016. – 392 с. – С. 176–180.

106. Нервные люди. Интеллигенция – новый раунд рефлексии (обсуждение сборника статей Александра Кустарева) // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3 (47). – С. 39–47.

107. Никандров А.В. Роль интеллектуалов в политике: концепция Норберто Боббио (1909-2004): диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.01 / Никандров Алексей Всеволодович. – Москва, 2013. – 161 с.

108. Никифоров А.А. Революция и ее причины: ответы на новые вопросы / А.А. Никифоров // ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4. – № 2. – С. 80–100.

109. Нильсберг Ж.-А. А интеллектуалы исчезли / Ж.-А. Нильсберг // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2. – С. 21.

110. Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории / Т.В. Павлова // Полис. – 2008. – № 5. – С. 113–124.

111. Пал Т. Шестидесятники – поколение с легкими и жабрами: между интеллигенцией и интеллектуалами / Т. Пал // Vivat, Ядов! К 80-летнему юбилею: сборник / Предисл. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2009. – 616 с. – С. 407–412.

112. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) / С.В. Патрушев // Полис. – 2009. – № 6. – С. 24–32.

113. Петушкова Д.А. История интеллектуалов во Франции: конфликт интерпретаций и новые перспективы / Д.А. Петушкова // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2018. – № 2. – С. 164–173.

114. Подорога В. Россия. XX век. Власть / В. Подорога // Дружба народов. – 1994. – №3. С. 136–150.

115. Политолог Лилия Шевцова об адаптантах и антисистемщиках [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24092269.html> (дата обращения: 04.02.2019).

116. Пороховская Т.И. Ответственность интеллектуалов / Т.И. Пороховская // Ценности и смыслы. – 2017. – № 1(47). – С. 76–92.

117. Рагозин Н.П. Капитализация интеллектуала в истории культуры / Н.П. Рагозин // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 4. – С. 214–217.

118. Резник Ю.М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов / Резник Ю.М. // Личность. Культура. Общество. – 2006. – № 1. – С. 60–79.

119. Репников А.В. Между интеллигентами и интеллектуалами / А.В. Репников // Интеллигенция и мир. – 2015. – № 4. – С. 130–136.

120. Розов Н.С. «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании / Н.С. Розов // Социологический журнал. – 2016. – Том 22. – № 1. – С.8–25.

121. Розов Н.С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории / Н.С. Розов // Р. Коллинз Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002. С. 8–11.

122. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования / Н.С. Розов. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.

123. Розов Н.С. Историческая макросоциология. Методология и методы / Н.С. Розов. – Новосибирск, 2009. – 412 с.

124. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С. Розов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 735 с.

125. Розов Н.С. Преодоление кризиса философии через развитие интеллектуальных институтов / Н.С. Розов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12. – № 1. – С. 45–50.

126. Розов Н.С. Факторы победы в групповом решении: опыт исторической микросоциологии / Н.С. Розов // Социологические исследования. – 2018. – № 1. – С.31–39.

127. Розов Н.С. Этические основания поступков интеллектуала при политических «заморозках» / Н.С. Розов // Вестник РФО. – 2016. – №3. – С. 52– 56.

128. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века / Р. Рорти. – М., 1998. – 128 с.

129. Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России исчерпание социальной роли / Р.В. Рывкина // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 138–146.

130. Рябов А.В. Россия и Латинская Америка: сходные проблемы зависимого развития? / А.В. Рябов, Л.С. Окунева, Т.Е. Ворожейкина [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 3. – С. 37–50.

131. Рябов А.В. Россия и Латинская Америка: сходные проблемы зависимого развития? / А.В. Рябов, Л.С. Окунева, Т.Е. Ворожейкина // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 5. – С. 40–48.

132. Савич О. Сербские мандарины и война [Электронный ресурс] / О. Савич // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1. – URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/sav.html> (дата обращения: 04.02.2019).

133. Сантесмасес А.-Г. Пять задач для левых интеллектуалов / А.-Г. Сантесмасес // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 100–137.

134. Сахаров А.Д. Воспоминания [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/memory/sakhmem/content.htm> (дата обращения: 04.02.2019).

135. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress.html (дата обращения: 04.02.2019).

136. Севостьянов А.Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса / А.Н. Севостьянов. – М.: Книжный мир, 2009. – 192 с.

137. Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960–80-е гг. / И. Селеньи // Рубеж. – 1995. – № 6–7. – С. 198–224.

138. Семененко И.С. «Человек мыслящий» и «человек действующий». Интеллектуальные сообщества и формирование пространства диалога в России

/ И.С. Семенов // Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М., 2009. – 248 с.

139. Сердюк Т.Г. Интеллигенция: проблема самоидентификации на рубеже тысячелетия / Т.Г. Сердюк // Философские дескрипты: сб. научных статей / под ред. А.Н. Мельникова. – Вып. 12. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. – С. 106–110.

140. Сморгун Л.В. Интеллектуалы в политике / Л.В. Сморгун // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Социология». – 2008. – Том 21 (60). – №3. – С. 207–210.

141. Сова О.Н. Сапатисты XXI века: этапы, концепция и методы партизанской борьбы в Мексике / О.Н. Сова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3. – С. 179–183.

142. Софронова Н.В. Интеллигенция и интеллектуалы – такие разные ... и похожие / Н.В. Софронова, А.В. Хазина // Диалог со временем. – 2018. – №. 64. – С. 346–353.

143. Становление аналитических сообществ в регионах России / отв. ред. Н.Ю. Беляева. – М., 2010. – 190 с.

144. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: борьба в символическом пространстве и во времени / О.К. Степанова // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 46–53.

145. Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки / А.И. Строганов. – М., 1995. – 415 с.

146. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / П.В. Струве // Вехи: Интеллигенция в России. М.1991.С.136–152.

147. Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Сунгуров. – URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/conf05.htm> (дата обращения: 04.02.2019).

148. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм / М.И. Туган-Барановский // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. – С. 209–224.

149. Уриарте Э. Интеллектуалы и национализм в Испании / Э. Уриарте // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 138–159.

150. Усманов С.М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения / С.М. Усманов // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 4. – С. 20–32.

151. Уолцер М. Интеллектуалы, социальные классы и революции / М. Уолцер // Логос. 2012. – № 2 (86). – С.95–113.

152. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века / М. Уолцер. – М., 1999. – 360 с.

153. Ушакин С. Функциональная интеллигентность / С. Ушакин // Полис. – 1998. – № 1. – С. 8–22.

154. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт [Электронный ресурс]. – СПб.: Норма, 2002. URL.: http://www.civisbook.ru/files/File/Gornyi_fabriki.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

155. Фаге Э. Культ некомпетентности / пер. с фр. В. Каспарова / Э. Фаге. – М., 2005. – 170 с.

156. Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада / Л.А. Фадеева // Диалог со временем. – 2012. – №. 41. – С. 108–138.

157. Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллигенции как способ ее идентификации / Л.А. Фадеева // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 40–49.

158. Фадеева Л.А. Интеллигенция (интеллектуалы) как актор политики идентичности в современной России / Л.А. Фадеева // Политика развития, государство и мировой порядок Материалы VIII Всероссийского конгресса

политологов. Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М., 2018. – С. 545.

159. Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность / Л.А. Фадеева. – М.: Новый хронограф, 2012. – 320 с.

160. Фадеева Л.А. Ответственность интеллектуалов: краеугольный камень или камень преткновения интеллектуального сообщества? / Л.А. Фадеева // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2007. – Вып. 2. – С. 11–18.

161. Фадеева Л.А. Ответственность интеллектуалов «на Майдане» и вне его / Л.А. Фадеева // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2014. – № 2. – С. 164–173.

162. Фадеева Л.А. Противоречивое сообщество: интеллигенция, интеллектуалы, «образованный класс» / Л.А. Фадеева // Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М., 2009. – 248 с.

163. Филиппов Ю. Развитие местных сообществ / Ю. Филиппов, В. Гассий // Муниципальная власть. – 2004. – № 11–12. – С. 64–72.

164. Фирсов Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века / Б.М. Фирсов // Звезда. – 2001. – №8. – С. 164–173.

165. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

166. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью. В 3 ч. / М. Фуко. – М., 2002–2006.

167. Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью. Т. 1. М., 2002. С. 201–209.

168. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас // Неприкосновенный запас. – 2006. – №3. URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (дата обращения: 04.02.2019).

169. Халий И.А. Развитие российских городов: стратегическое планирование по инициативе общественности. – Автопортрет местных

сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / И.А. Халий. – М., 2006. – 312 с.

170. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 300 с.

171. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

172. Целищев В.В. Публичные интеллектуалы и научное сообщество / В.В. Целищев // Вестник НГУ. Серия Философия. – 2006. – Том 4. – Вып. 2. – С. 77–81.

173. Цой Л.Н. Социальная организация и самоорганизация: конфликты и развитие личности / Л.Н. Цой // Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2011. – № 2 (66). – С. 96–108.

174. Цыганков П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика / П. Цыганков. – М.: Интерпракс, 1995. – 296 с.

175. Черноморская Д.А. Философия освобождения: интеллектуалы и политическая практика / Д.А. Черноморская // Современные проблемы науки и образования. – 2015. № 2–3. – С. 200.

176. Черноперов В.Л. Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью / В.Л. Черноперов, С.М. Усманов, И.А. Буданова // Интеллигенция и мир. – 2015. – № 4. – С. 9–31.

177. Чернышев А.Л. Политическая борьба индейского населения Мексики в конце XX – начале XXI вв. / А.Л. Чернышев // Латинская Америка. – 2009. – № 8. – С. 93–100.

178. Чипкар Я. Критическая рефлексия современности и роль интеллектуала в ней / Я. Чипкар, К. Червена // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 131–134.

179. Шарль К. Интеллектуалы во Франции Вторая половина XIX века / К. Шарль. – М., 2005. – 328 с.

180. Шатиришвили З. «Старая» интеллигенция и «новые» интеллектуалы: грузинский опыт / З. Шатиришвили // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1. – С. 44–50.

181. Шимур Д. Публичный интеллектуал и его роль в современном мире / Д. Шимур, Р. Маршалл // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 6. – С. 285–301.

182. Штомпка П. Социология социальных изменений [Электронный ресурс] / П. Штомпка. – URL.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/16.php (дата обращения: 04.02.2019).

183. Шувалова М.В. Жак Деррида об ответственности интеллектуалов / М.В. Шувалова // Перспективы науки. – 2011. – № 6 (21). – С. 107–110.

184. Шувалова М.В. Интеллектуалы и дискурс власти как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.03 / Шувалова Мария Владимировна. – Тверь, 2012. – 196 с.

185. Шувалова М.В. Образ интеллектуала в западной философии середины XX – начала XXI веков / М.В. Шувалова // Философ в пространстве культуры: к 60-летию Б.Л. Губмана: сборник научных статей / под ред. С.В. Рассадина. – Тверь, 2011. – 223 с. – С. 145–152.

186. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

187. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М.: Изд-во Прогресс, 1969. – 240 с.

188. Эко У. Интеллектуал как бутоньерка [Электронный ресурс] / У. Эко // Эко У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках. – М., 2010 – 416 с. URL.: http://socioline.ru/files/5/52/eko-kartonki_minervy.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

189. Яблокова Н.И. Социальный субъект в условиях глобализации / Н.И. Яблокова // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 52–57.
190. Ядов В.А. Социология в России / В.А. Ядов. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – 696 с.
191. Яницкий О.Н. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас / О.Н. Яницкий // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2. – С. 36–52.
192. Яницкий О.Н. Интеллигенция умерла? [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий. – URL.: http://www.isras.ru/blog_yan_23.html?&printmode (дата обращения: 04.02.2019).
193. Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами / О.Н. Яницкий. – М., 1991. – 272 с.
194. Яницкий О.Н. Фазы развития российского экологического движения [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий. – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/fazy-razvitiya-rossiyskogo-ekologicheskogo-dvizheniya> (дата обращения: 04.02.2019).
195. Bauman Z. Legislators and Interpreters On Modernity, Post-Modernity, Intellectuals / Z. Bauman. N.Y., 1987. – 244 p.
196. Becker M. Indigenous communists and urban intellectuals in Cayambe, Ecuador (1926-1944) / M. Becker // IRSH. – 2004. – Vol. 49. – P. 41–64.
197. Brouwer D. Public intellectuals, public life and the university / D. Brouwer // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 31–49.
198. Collins R. Who Has Been a Successful Public Intellectual? // European J. of Social Theory. – 2011. – Vol. 14, № 4. – P. 437–452.
199. Coser L. The Intellectual as Celebrity / L. Coser // Public intellectuals, an endangered species / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. N.Y.: Rowman & Littlefield publishers, 2006. – P. 227–240.
200. Cushman E. The Public Intellectual, Service Learning, and Activist Research / E. Cushman // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 101–110.

201. Draper T. Intellectuals in Politics / T. Draper // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. N.Y., 2006. – P. 201–226.
202. Epstein J. Intellectuals – Public and Otherwise / J. 161. Epstein // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 185–194.
203. Foucault and Latin America. Appropriations and Deployments of Discursive Analysis / ed. by B. Trigo. – Routledge, 2002. – 305 p.
204. Fuller S. The Critique of Intellectuals: a Response to Some Critical Intellectuals / S. Fuller // History of the Human Sciences. – 2004. – Vol. 17, № 4. – P. 123–130.
205. Howe I. Intellectuals, Dissent and Bureaucrats / I. Howe // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 71–79.
206. Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement/Ed by Alain G. Gagnon. – N.Y., L.: Praeger Publ., 1987. – 250 p.
207. Jacoby R. Intellectuals and Their Discontents / R. Jacoby // The Hedgehog Review. – 2000. – Vol. 2, № 3. – P. 36–52.
208. Jacoby R. New Intellectual History? / R. Jacoby // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97, № 2. – P. 405–424.
209. Jacoby R. The Graying of the Intellectuals / R. Jacoby // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 165–171.
210. Jacoby R. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe / R. Jacoby. – N.Y., 1987. – 320 p.
211. Johnson P. Intellectuals / P. Johnson. – N.Y., 1989. – 385 p.
212. Krischke P. Social Movements and Political Participation: Contributions of Grassroots Democracy in Brazil / P. Krischke // Canadian Journal of Development Studies. – 1990. – Vol. 11, is. 1. – P. 173–184.

213. Liikala A.B. Grassroots Civil Groups: The Potential and Limits of Democratic Change in Argentina's Interior Provinces / A.B. Liikala // Cambridge Review of International Affairs. – 2002 – Vol. 15, № 3. – P. 515–530.

214. McAdam D. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing / D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. – Cambridge, 2004. – 426 p.

215. McMillan D.W. Sense of Community: A Definition and Theory / D.W. McMillan, D.M. Chavis // Journal of Community Psychology. – 1986. – Vol. 14. – P. 6–23.

216. Meyer D. Conceptualizing political opportunity / D. Meyer, D. Minkoff // Social Forces. – 2004. – Vol. 82(4). – P. 1457–1492.

217. Mills C.W. On knowledge and power / C.W. Mills // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 247–258.

218. Ondetti G. Repression, opportunity and protest: explaining the takeoff of Brazil's landless movement / G. Ondetti // Latin American politics and society. – 2006. – Vol. 48, is 2. – P. 61–94.

219. Opp K.-D. Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary introduction, critique and synthesis / K.-D. Opp. – N.Y., 2009. – 424 p.

220. Petras J. The unemployed workers movement in Argentina [Электронный ресурс] / J. Petras // Monthly review. – 2002. – Vol. 1. – URL.: <https://monthlyreview.org/2002/01/01/the-unemployed-workers-movement-in-argentina/> (дата обращения: 04.02.2019).

221. Petras J. Peasant Movements in Latin America [Электронный ресурс] / J. Petras // Canadian Dimension. – 2005. – Vol. 39, № 4. – URL.: <https://www.questia.com/magazine/1G1-134680951/peasant-movements-in-latin-america> (дата обращения 04.02.2019).

222. Petras J. The social dynamics of Brazil's rural landless workers movement: ten hypotheses of successful leadership / J. Petras, H Valtmeyer // CRSA/RCSA. – 2002. – Vol. 39. – P. 79–96.

223. Posner R.A. Public intellectuals: a study of decline / R.A. Posner. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 456 p.

224. Rama A. La ciudad letrada / A. Rama. – Hanover: Ediciones del Norte, 1984. – 184 p.

225. Rama A. The Ordered City / A. Rama // Foucault and Latin America. Appropriations and Deployments of Discursive Analysis / ed. by B. Trigo. – Routledge, 2002. – P. 3–15.

226. Reddaway P. The tragedy of Russia's reforms: Market Bolshevism Against Democracy / P. Reddaway, D. Glinski. – Washington, DC., 2001. – 768 p.

227. Rothman F.D. From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979-1992 / F.D. Rothman, P.E. Oliver // Mobilization. – 1999. – Vol. 4, № 1. – P. 41–57.

228. Said E.W. Representations of the Intellectual / E.W. Said. – N.Y., 1994. – 121 p.

229. Smith D.H. Grassroots associations [Электронный ресурс] / D.N. Smith. – URL.: <http://www.davidhortonsmithinternational.com/assets/documents/IECS%20GAs-00020.pdf>. (дата обращения: 04.02.2019).

230. Starr A. Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimiento sem terra / A. Starr, M.E. Martinez-Torres, P. Rosset // Latin American Perspectives. – 2011. – Vol. 38, is. 1. – P. 102–119.

231. Stephen L. The Zapatista opening: the movement for the indigenous autonomy and the state discourses on indigenous rights in Mexico, 1970-1996 / L. Stephen // Journal of Latin American anthropology. – 1997. – Vol. 2, is. 2. – P. 2–41.

232. The Cambridge history of Latin America. Vol. VII Latin America since 1930: Mexico, Central America and the Caribbean. – Cambridge, 2008. – 727 p.

233. Tilly Ch. From mobilization to revolution / Ch. Tilly. – Englewood Cliffs, 1978. – 349 p.

234. Wallerstein I. How far left has Latin America moved? [Электронный ресурс] / I. Wallerstein. – URL.: <http://www.iwallerstein.com> (дата обращения 04.02.2019).

235. Wolfe A. The Calling of the Public Intellectual / A. Wolfe // Public intellectuals, an endangered species? / ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. – N.Y., 2006. – P. 91–94.

236. Wuthnow R. Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism / R. Wuthnow. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 752 p.